

ЧАСТЬ 1

Агония
империи

ГЛАВА 1

ПОСТУПЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

7.1. «Мы расширили пределы...»

Драмы российского догоняющего развития и советской консервативной модернизации разыгрывались на огромном пространстве самой большой в мире государственной территории Российской империи, а затем СССР. Эта территория была не просто сценой, подмостками исторического спектакля, но одновременно и его действующим лицом. Столетиями территориальный рост оставался одной из главных забот государства, одним из ведущих побуждений к соревнованию с ушедшей вперед Европой, заставляя до крайности напрягать силы общества.

История складывания и территориального расширения Российской империи вокруг ее древнего великорусского ядра хорошо известна. «Собирание Руси», начатое в XIV веке Иваном I (Калитой) с земель древних русских племен, а затем распространившееся и на земли нерусских соседей, продолжалось шесть столетий и наложило глубокий отпечаток на сознание русского общества, на идеологию русской государственности, утвердившейся после Петра I как государственность Российской империи.

Иван Грозный, первый русский царь, покорил Казанское и Астраханское ханства и присоединил к России обширные территории Поволжья, населенные татарами, башкирами, марийцами, чувашами, удмуртами, мордвой. Началось освоение Зауралья и Западной Сибири. Россия явственно обозначила свои интересы на юго-востоке, где, по словам П. Милюкова, продвижение шло «под прямым влиянием и контролем московского правительства, взявшего на себя оборону южной границы, а от обороны нечувствительно перешедшего к наступлению»¹. Но одновременно стали ясны притязания России и на западном направлении. В XVII веке на юго-востоке она продвинулась до реки Урал, на западе же вышла к Балтийскому морю, отвоевала у Польши Смоленск и Чернигов, закрепила за собой Левобережную Украину и Киев.

В XVIII веке Россия, теперь уже Российская империя, снова раздвинула свои границы. После успешных войн с Турцией она утвердилась в Крыму, Прикубанье и на побережье Черного моря. В результате трех разделов Польши (1772, 1793, 1795) присоединила часть ее территории, а также Правобережные Украину и Белоруссию. В состав империи вошли Восточная Грузия, значительная часть Казахстана, Эстония, Литва и Латвия. Наконец, в XIX веке завершились длившееся несколько десятков лет покорение Кавказа, завоевание Средней Азии, был присоединен Дальний Восток.

¹ Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. Население, экономический, государственный и сословный строй. М., 1918, с. 55.

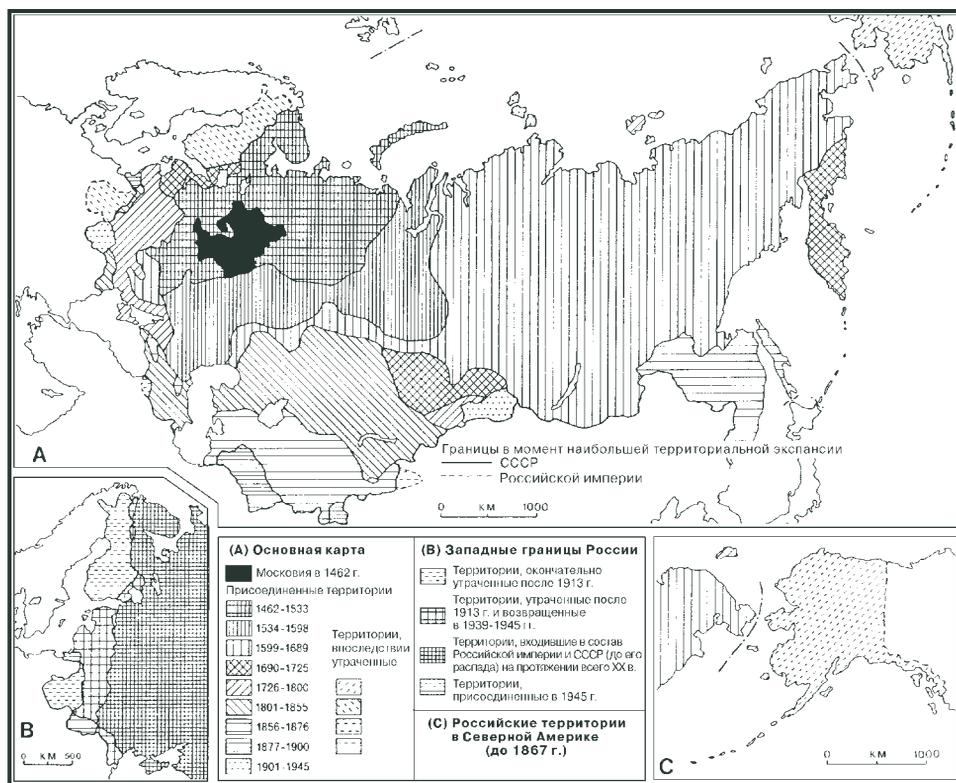

Рисунок 7.1. Расширение границ Московского государства, Российской империи и СССР

Источник: Dewdney J.C. USSR in maps. London-Sydney, 1982, p. 27.

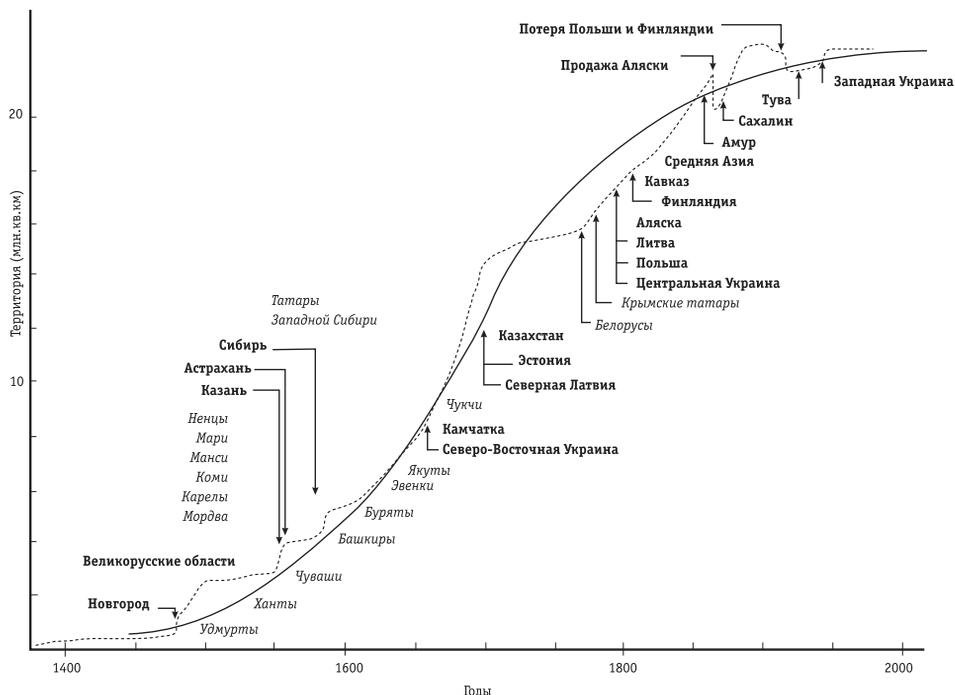

Рисунок 7.2. Включение земель и народов в состав Московского государства, Российской империи и СССР

Источник: Taagepera R. *An overview of the growth of the Russian Empire*. In: Rywkin M. (Ed.). *Russian colonial expansion to 1917*. London, 1988, p. 1.

Согласно Ключевскому, уже «к концу XVIII столетия Россия вступила в свои естественные и национальные границы почти на всем пространстве своей территории; она захватила много инородческих элементов и оставила за своими пределами очень мало частей русской национальности. Как скоро достигнуты были эти географические и национальные границы..., внешняя деятельность государства изменяется: объединившись, вобравши в себя всю русскую национальность, государство с этой минуты начинает освобождать другие национальности, родственные русской в религиозном или племенном смысле»². В XX веке границы империи многим казались естественными уже почти в физико-географическом смысле. «Евразия в старом смысле слова, — писали евразийцы, — подразделяется уже не на Европу и Азию, а на 1) срединный континент, или собственно Евразию, и два периферических мира: 2) азиатский Китай, Индия, Иран и 3) европейский, граничащий с Евразией примерно по линии: реки Неман — Западный Буг — Сан — устье Дуная... Таким образом ... границы Евразии совпадают с границами Русской империи»³.

² Ключевский В. Курс русской истории. Ч. V, М., 1937, с. 240.

³ Евразийство. Опыт систематического изложения. // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992, с. 377.

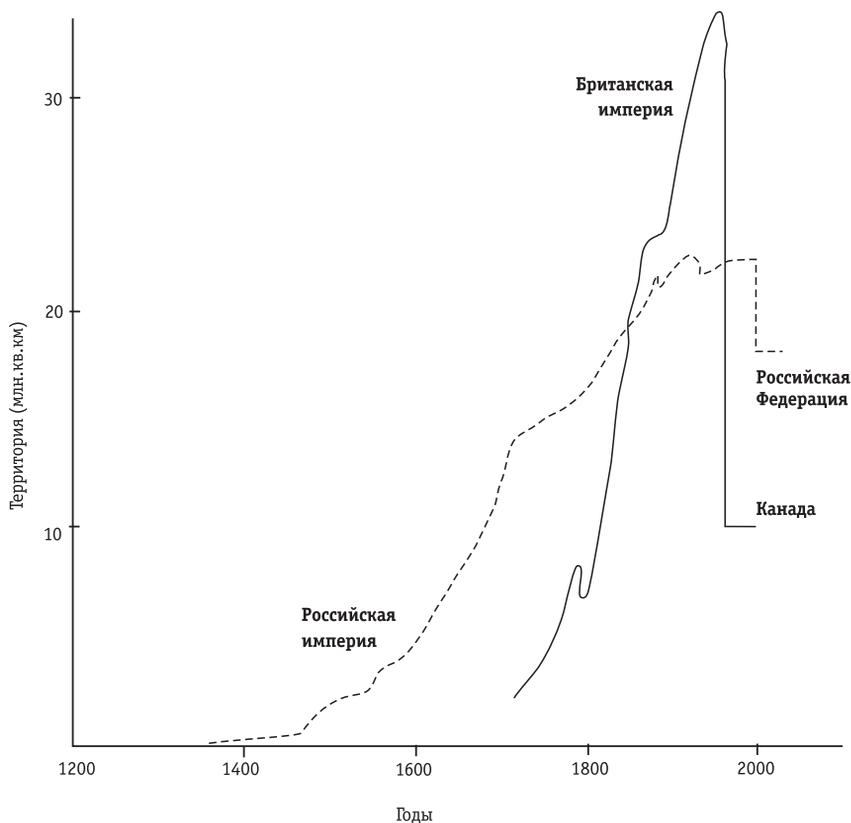

Рисунок 7.3. Территориальный рост Российской и Британской империй

Источник: Таагерера Р. *Op. cit.*, p. 5.

Последняя фраза выдает сокровенный имперский смысл всех концепций естественных границ России. Идеология естественных границ — не новшество и не русское изобретение. Она возникла в истории многих стран как «впечатляющий довод в пользу географического детерминизма и государственного централизма... В философском плане она подразумевает Бога-географа, предписывающего народам место в постранстве. В политическом смысле она предугадывает конечную цель, миссию, которую надлежит выполнить: история народа не будет полной, пока он не достигнет своих крайних границ. Она предполагает стратегическую инверсию: сначала длящаяся веками наступательная политика; затем геостратегия обороны»⁴.

⁴ Charnay J.-P. *Stratégie générative. De l'anthropologie à la géopolitique.* Paris, 1992, p. 172.

Концепция «естественных границ» — неотъемлемая часть имперского мировоззрения, характерного для российского сознания Петербургского периода, но не исчезнувшего по сей день. И сегодня можно слышать, что войны с Турцией, в результате которых «Россия получила выход на свои естественные рубежи: к Черному морю, включая Крым, и на Днестр», были оправданы тем, что «Россия задыхалась без выхода к Черному и Азовскому морям», а «к концу XIX века Российская империя достигла своего замысленного (?) или, как тогда говорили, «естественного» (для незащищенной огромной равнины) территориального объема: во многих местах до географических рубежей, поставленных самою природой»⁵. Логика «рубежей, поставленных самою природой», очень соблазнительна. Если в XVIII веке можно было задыхаться без Черного моря, то почему в XX нельзя задыхаться без Средиземного или без Индийского океана и не видеть в выходе к их берегам «задачи спасения русской нации»⁶?

Если границы империи и в самом деле до какого-то момента можно было уподобить естественным, то лишь в том смысле, в каком естественны границы реки, прокладываящей себе русло в более мягких, податливых породах и обходящей более твердые. К концу XIX века Российская империя захватила и включила в свои границы все, что смогла захватить, не наталкиваясь на непреодолимое сопротивление поглощаемых соседей или стоящих за ними держав. По мере роста империи «мягких пород» вблизи рубежей России оставалось все меньше, ее продвижение замедлялось и останавливалось, и она входила в свои окончательные границы — естественные не столько в географическом или этнографическом, сколько в историческом смысле — в смысле существующего в данный момент соотношения сил на направлениях возможной экспансии.

Это соотношение постоянно менялось, иногда довольно быстро, так что включение тех или иных территорий в состав империи или их выпадение из нее нередко могло выглядеть актом исторически случайным. На самом же деле за причудливой, постоянно меняющейся мозаикой бесчисленных союзов и коалиций, частных побед и поражений просматривается проявление сил самоорганизации мирового геополитического пространства и образующих его крупных «блоков», постоянное воссоздание системы противовесов, обеспечивающих его антиэнтропийное структурирование. В какой-то момент исторического времени Российская империя и стала одним из таких крупных геополитических блоков, формирующих систему всемирного геополитического равновесия, — в этом заключались и оправдание ее территориального роста, и его пределы.

Понятно, что в самой России рост империи воспринимался сквозь призму ее собственных интересов. Отечественные политики и идеологи видели в постоянном округлении российских владений безусловную пользу державы. Имперское и патриотическое начала сливались в русском сознании воедино. Постоянные территориальные приращения, сама огромность занимаемого пространства влияли не только на государственную мысль. Многочисленные военные победы наполняли гордостью русские сердца, страна привыкала ко все новым и новым захватам, которые становились для России как бы естественным способом существования, воспитывали самосознание общества, формировали его мирозерцание, его психический склад. «С внешней, пози-

⁵ Солженицын А. И. Русский вопрос к концу XX века. «Новый мир», 1994, 7, с. 138, 145, 158.

⁶ Жириновский В. В. Последний бросок на юг. М., 1993, с. 63.

тивно-научной точки зрения, — писал Бердяев, — огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний духовный факт в русской судьбе. Это — география русской души»⁷.

Созидание империи состояло, однако, не из одних побед. Оно было долгим, нелегким и далеко не бескровным, требовало от России и ее народа громадных усилий и жертв. Постепенно это осознавалось, единство имперского и патриотического начал мало-помалу стало вызывать сомнения. Только ли выигрыш несут России ее бесконечные территориальные приобретения? Так ли уж совпадают государственно-территориальные интересы России с интересами ее граждан? Не слишком ли тяжела поступь имперского Медного всадника для отдельной человеческой судьбы? Русские люди начинают размышлять над этим подобно тому, как размышлял персонаж Глеба Успенского, вспоминая «топорнейшую лекцию» своего школьного учителя. «Через каждые три фразы четвертая была непременно такая: «Мы расширили пределы „от“ „до“...». Затем следовали новые три фразы о мудром приказании и за ним опять та же четвертая о том, что после этого приказания только что расширенные пределы опять расширились еще дальше „от“ „до“ и все без малейших трудностей, даже как бы без людей, а с помощью какого-то «мы взяли» расширили»⁸. Но не без трудностей и не без людей шла колонизация российских просторов, тяжелым грузом лежала она на национальной экономике, постоянно перемалывала материальные и людские ресурсы, поглощала психическую энергию нации. «Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств... Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. И в огромном деле создания и охранения своего государства русский народ истощал свои силы»⁹.

Рост территории Российской империи был очень быстрым. Правда, скажем, Британская империя росла еще быстрее (см. рис. 7.3.), но ее рост шел за счет колоний, тогда как Россия на ранних этапах своего роста расширяла, скорее, пространство метрополии. Только между 1600 и 1900 г. Российская империя присоединила 17 млн. кв. км новых земель, западные авторы подсчитали, что ее владения увеличивались, в среднем, на 57 тыс. кв. км в год¹⁰. К началу XX века она была самой большой по территории страной мира, занимала 22,3 млн. кв. км — одну шестую часть земной суши.

Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 г. сделали явным назревавший подспудно кризис внутриимперских отношений, что едва не привело к исчезновению империи. С конца 1917 г. началось ее разрушение. Столетиями входившие в состав унитарного государства населенные нерусскими народами, а иногда даже

⁷ Бердяев Н. О власти пространства над русской душой. // Бердяев. Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918, с. 64.

⁸ Успенский Г. И. Волей-неволей (Отрывок из записок Тяпушкина). // Собр. соч. в 9 томах, т. 6, М., 1956, с. 75.

⁹ Бердяев Н. О власти пространства..., с. 62.

¹⁰ Hauner M. What is Asia to us? Russia's Asian Heartland yesterday and today. London; New York, 1992, p. 69. По другим подсчетам — О. Субтельного, — с 1362 по 1914 г., территория России прирастала со средней скоростью 80 кв. км в день (Субтельный О. Україна. Історія. Київ, 1993, с. 223).

и русские земли стали провозглашать себя автономными областями или республиками, а часто даже и полностью независимыми государствами (Польша, Финляндия, Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Туркестан, Татаро-Башкирия, Северный Кавказ, Грузия, Армения, Азербайджан, Дальневосточная республика, Бухара, Хива). Правда, степень распада империи не следует все же преувеличивать. Когда говорят, что за год территория России сократилась чуть ли не до размеров Московского государства, которые застал, вступая на престол, Иван Грозный¹¹, то имеется в виду территория, которая, находилась под контролем правительства РСФСР в наиболее неблагоприятный для него период Гражданской войны. Ее границы определялись, скорее, ходом военных действий, нежели серьезными центробежными тенденциями. Хотя распад империи во время революции и Гражданской войны несомненно был связан с кризисом имперских отношений и имперского сознания, глубина и острота этого кризиса в России начала XX века все же не были такими, чтобы сделать распад окончательным. Империя разрушалась вследствие совпадения этого кризиса с рядом других — экономическим, социальным, военно-политическим. Когда же эти кризисы были преодолены, почти естественным образом началось и восстановление империи.

Этому способствовало то, что чаще всего независимость отделившихся государств была, скорее, декларирована, чем действительно достигнута. Иногда сразу же после провозглашения независимости, иногда некоторое время спустя к власти в них пришли большевики, подчинявшиеся одному центру и проводившие одну политику. Теоретически признавая права народов на независимость, на практике они никогда с нею не мирились. Уже в 1920 г. Сталин, тогда народный комиссар РСФСР по делам национальностей, говорил о «так называемой независимости так называемых независимых Грузии, Армении, Польши, Финляндии и т. д.»¹².

Впрочем и эта «так называемая» независимость во многих случаях просуществовала недолго. Часть новых государств на правах автономных были включены в состав РСФСР (Северный Кавказ, Туркестан, Татаро-Башкирия, Крым и т. д. — всего к моменту создания СССР в 1922 году в РСФСР насчитывалось около 20 автономий) или Закавказской Федерации (Грузия, Армения, Азербайджан). Украина и Белоруссия существовали наряду с РСФСР и ЗСФСР. В 1922 г. (для Хивы и Бухары — в 1924) кончилась и их независимость, был создан СССР. Тем не менее первоначально территория СССР довольно существенно отличалась от территории Российской империи. За его пределами остались Финляндия, территории, отошедшие к Польше, Румынии и Турции, а также образовавшие независимые государства Литва, Латвия и Эстония. В момент возникновения СССР его территории более чем на 800 тыс. кв. км уступала территории бывшей Российской империи. Территориальные потери составили менее 4%, но это были густонаселенные земли. В 1897 г. на них жило около 22 млн. человек (17,3% населения бывшей империи)¹³, в 1920 г., по оценкам, 28 млн. (те же 17,3%)¹⁴.

¹¹ См. напр.: *Карр Э.* История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923. Т. 1–2. М., 1990, с. 209.

¹² *Сталин И. В.* Политика Советской власти по национальному вопросу в России. // Соч., т. 4, с. 353.

¹³ *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.-Л., 1930, с. 14.

¹⁴ Энциклопедический словарь Гранат, 7-е издание, т. 41, ч. 1, б. д., с. 318–319.

Лишь позднее, в ходе Второй мировой войны, СССР восстановил большую часть этих потерь, а после ее окончания приобрел даже некоторые новые территории. В 1939–1940 гг. в его состав были включены Литва, Латвия, Эстония, часть Западной Украины, Западная Белоруссия, часть Бессарабии и часть Финляндии, ранее принадлежавшие Российской империи, а кроме того Галиция¹⁵ и Северная Буковина, в 1944 — Тува, в 1945 — Закарпатская Украина, часть Восточной Пруссии, Клайпедская область, Южный Сахалин и Курильские острова, не входившие ни в российские границы перед революцией, ни в советские границы после нее. По официальным советским оценкам, в 1939 г. на территориях, присоединенных в 1939 и в последующие годы, проживало 20,1 млн. человек¹⁶ (12% населения СССР до изменения границ). Империя снова занимала одну шестую часть земной суши и была самым большим по территории государством мира.

В послевоенные десятилетия территория Советского Союза не изменялась, его границы казались необыкновенно прочными. Никто не пытался посягать на них. В то же время, хотя СССР распространял свое прямое влияние на ряд государств Восточной Европы и некоторые страны Азии и обладал огромной военной мощью, не ставился вопрос о расширении его границ. В этом смысле положение казалось исключительно устойчивым. И тем не менее в конце 1991 г. внутренний кризис советского строя привел к распаду СССР и образованию на его территории 15 независимых государств. Многовековая империя перестала существовать.

7.2. Восточнославянские колонизационные базы

Территориальный рост империи был связан прежде всего с историческими судьбами восточного славянства после завершения антитатаро-монгольской реконквисты. Разные части восточнославянского мира в разное время вносили свой вклад в формирование общего культурно-цивилизационного и государственно-правового пространства, которое оказалось, в конечном счете, в центре огромной империи, превратилось в ее географическую и духовную метрополию, никогда не имевшую, впрочем, четких территориальных границ. Это пространство отчасти было унаследовано еще от домонгольского периода, от Киевской Руси. Немалую роль сыграло и объединение в XIII–XIV веках западно-русских земель в Литовско-русском государстве, которое «создавало частью завоеванием Литвою различных русских земель и волостей, частью

¹⁵ Вторая (входившая прежде в состав Австро-Венгрии, а после Первой мировой войны — Польши), меньшая по территории, но большая по населению часть «Западной Украины» — выражение, которое в советское время расплывчато толковалось как «историческое название части территории Украины, отошедшей по Рижскому мирному договору 1921 г. к буржуазной Польше» (Советский энциклопедический словарь, М., 1981, с. 455). В географическом смысле к Западной Украине следует, видимо, относить также Северную Буковину и Закарпатскую Украину. Первая между 1918 и 1940 г. принадлежала Румынии, вторая — между 1919 и 1938 — Чехословакии, затем — до 1945 г. — Венгрии.

¹⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том. М., 1962, с. 13. В начале 90-х годов была выполнена новая оценка, мало отличавшаяся от прежней, — 20,3 млн. человек (см. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993, с. 53. В этой книге упоминаются также и другие оценки — 24,5, 19,8 и 20,8 млн. (с. 51–52).

путем добровольного присоединения их к основному государственному ядру — Великому княжеству Литовскому в древнем и тесном смысле слова¹⁷. С XV века роль главного носителя и хранителя восточнославянской цивилизационной самобытности и восточнославянской государственности все больше переходит к великорусским областям, сложившимся вокруг Москвы и Новгорода и оформившимся при Иване Грозном в Московское царство. Но ядро Петербургской Российской империи было уже шире. В своей объединительной и колонизационной деятельности она опиралась не только на великорусское население, но и на других наследников Киевской Руси — украинцев и белорусов. Эти три народа и стали главной силой расширения пределов империи. Их продвижение на все новые и новые земли либо увеличивало область их собственного расселения, границы метрополии, либо закрепляло присоединение колоний и других завоеванных территорий.

В. Семенов-Тянь-Шанский писал о четырех «чисто русских культурно-экономических колонизационных базах» — очагах, которые, «посылая свои лучи во все стороны, поддерживают... прочность государственной территории и способствуют более равномерному ее заселению и культурно-экономическому развитию»¹⁸: Галицкой и Киево-Черниговской; Новгородско-Петроградской; Московской; Средне-волжской. «Только благодаря этим четырем базам, давшим возможность твердо укрепиться до самых берегов четырех морей, Европейская Россия и представляет ту культурно-экономическую массу, которая позволила ей стать в ряды великих держав мира»¹⁹. Само перечисление «колонизационных баз» Семеновым-Тянь-Шанским говорит о том, что «чисто русские» означало для него «восточнославянские». В дореволюционной России все три восточнославянские ветви — великорусская, украинская и белорусская — рассматривались, в том числе и в официальных документах, например, в публикациях Всеобщей переписи населения 1897 г., как части единого русского народа.

Причисление к русским колонизационным базам Галиции можно понять разве что в том смысле, что галицийские украинцы могли участвовать в польской колонизации нынешней территории Украины в XVII веке. Однако это не была российская колонизация, Галиция никогда не входила в состав Российского государства, а когда миграционное движение галицийских украинцев приобрело крупные масштабы, оно было направлено за океан. Но Киевско-Черниговские земли, наряду с другими, названными Семеновым-Тянь-Шанским, несомненно играли роль важнейшей восточнославянской колонизационной базы и реализовали ее, находясь в составе Российской империи и участвуя в решении ее исторических задач. В завоевательно-колонизационном движении империи участвовали не одни лишь восточные славяне, в это движение вовлекались и «кинородцы», но восточные славяне, прежде всего русские и украинцы, стали основной движущей силой колонизации. Роль белорусов, не столь многочисленных и, в отличие от русских и украинцев, не соседствовавших прямо с незаселенными или слабо заселенными степными просторами, была более скромной.

¹⁷ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915, с. 35.

¹⁸ Семенов-Тянь-Шанский В. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. Пг., 1915, с. 18.

¹⁹ Там же.

Ни сама колонизация, ни формирование единой русско-украинско-белорусской метрополии не были следствием одного лишь географического соседства трех восточнославянских народов. Облегчавшая их взаимодействие близость имела более глубокие основания, коренилась в общности исторического прошлого, в конечном счете, в принадлежности к одному и тому же локальному цивилизационному полю. Восточнославянская цивилизация сложилась из разных исторических пластов. Среди них есть, возможно, очень древние. П. Милюков, например, пытался проследить связь славянской самобытности с особенностями неолитической унетицко-лужицкой культуры, обнаруженной в местах предполагаемой прародины славян²⁰. Более близкий к нам исторический пласт — тысячелетняя земледельческая, крестьянская, сельская цивилизация восточных славян. Ее особенность едва ли следует преувеличивать. Все земледельческие, крестьянские, сельские общества имеют сходные черты: натуральное хозяйство со слабым развитием товарно-денежного обмена, традиционализм как основной механизм обеспечения культурной преемственности, холистская, «соборная» парадигма общественных отношений, низкая вертикальная мобильность и т. д. Но всегда есть и отличия — в образе жизни, социальных отношениях, верованиях, коллективной психологии, — связанные с прошлой традицией, особенностями природной среды, хозяйственной деятельностью, геополитического положения, с условиями развития государственности, с превратностями и случайностями мировой истории. В ходе размежевания с соседями такие отличия получают подчеркнутое выражение в культуре, в религии, приобретают символический смысл. Эти различия, их сохранение очень важны, ибо существование чего-то вроде сильно укрупненных «тотемов» охраняет местное своеобразие, а тем самым и мировое разнообразие. Без этого неизбежны всеобщее выравнивание, энтропийная смерть лишенного внутренней структуры погружающегося в хаос человеческого мира. Такой всемирный антиэнтропийный смысл имело и культурно-религиозное обособление восточного славянства, сохранявшееся при всех поворотах мировой истории.

Глубокий отпечаток на цивилизацию восточнославянского земледельца наложило многовековое соседство и соперничество со степным, кочевым Востоком. Но крестьянская-христианская, земледельческая Русь представляла исторически более высокий уровень развития по сравнению с кочевыми за ее южными и восточными границами «погаными» (язычниками), а это создавало надежный цивилизационный щит для нее. Азиатские влияния могли быть очень сильными. «Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом — это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни», — писал Ключевский²¹. Тем не менее тип цивилизации, усвоенный восточными славянами к началу второго тысячелетия, азиатские влияния изменить не смогли, и, в конце концов, не Азия колонизовала Россию, а Россия — кочевую Азию.

В историческом соревновании Россия опередила не одних лишь степных кочевников, начиная с какого-то времени, она обогнала и таких своих южных соседей, как Китай или Персия — страны древнейшей земледельческой культуры. В этом сказалось, ко-

²⁰ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993, с. 220 и след.; 322 и след.

²¹ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. I. М., 1987, с. 84.

нечно, пограничное положение восточного славянства: оно одновременно соседствовало с засыпавшим Востоком и с пробудившимся Западом. Через византийское христианство Киевская Русь восприняла, может быть и не без потерь, основополагающие принципы европейской культуры, зревшие еще в Древнем Риме, сама стала частью Европы — не в географическом только, но и в цивилизационном смысле. Как замечает Д. Лихачев, если говорить о внешних влияниях, то «Русь естественнее назвать Скандовизантией, нежели Евразией»²². Позднее, во времена подъема Литовско-русского, а затем Польско-литовского государств, европейский слой восточнославянской цивилизации впитал в себя влияния католицизма, западноевропейских Возрождения и Реформации. Отношение к Европе Москвы было более сложным. Защитные реакции по отношению к исторически более развитому и тем опасному Западу играли немалую роль в сохранении отличий от него. Отстранение от Запада охраняло, а, возможно, и усиливало восточнославянское цивилизационное своеобразие. Но полностью отгородиться от Европы было нельзя. Со времени Петра Великого сближение с Западом стало необратимым, культурные заимствования у него стали мало-помалу менять восточнославянский цивилизационный фон, на него накладывался, смешивался с ним новый, более современный европейский пласт. Действие и последствие петровских реформ, привязывавших Россию к Европе Нового времени, оказалось очень мощным. Модернизационная направленность реформ предопределила — не сразу, но в конечном счете — глубинную переделку всего строя жизни восточных славян. Древний цивилизационный слой у них был перекрыт современным, впитан и переработан им. Это послужило, в частности, одной из главных предпосылок колониционной активности трех последних столетий.

7.3. Колонизация юга России

Восточнославянская колонизация началась давно, еще во времена древних Киева и Новгорода, но ускорилась, приобрела новое качество с XVI века после покорения татарских ханств Казани и Астрахани, а еще больше после побед над Турцией и присоединения — уже в конце XVIII века — Крыма. Колониционное движение шло, так сказать, по всем румбам, но главными его направлениями стали восточное и южное. То ли оборонительная, то ли наступательная граница отодвигалась все далее на юг и на восток, а с ней двигались и люди.

Одним из главных этапов созидания империи стала колонизация юга Европейской России, когда были освоены большая часть территории современной Украины (включая преобладающую часть Новороссии), остальная часть Новороссии, а также степные районы Северного Кавказа.

Еще в XV веке огромные территории к северу от Черного и Азовского морей, формально находившиеся под контролем Москвы или Польско-литовского государства, подвергались систематическим набегам крымских татар и потому оставались слабо заселенными, а то и вовсе незаселенными. Несмотря на то, что в это время уже началось продвижение на юг и великорусского, и украинского населения, даже в середине

²² Лихачев Д. С. Культура как целостная среда. «Новый мир», 1994, 8, с. 7.

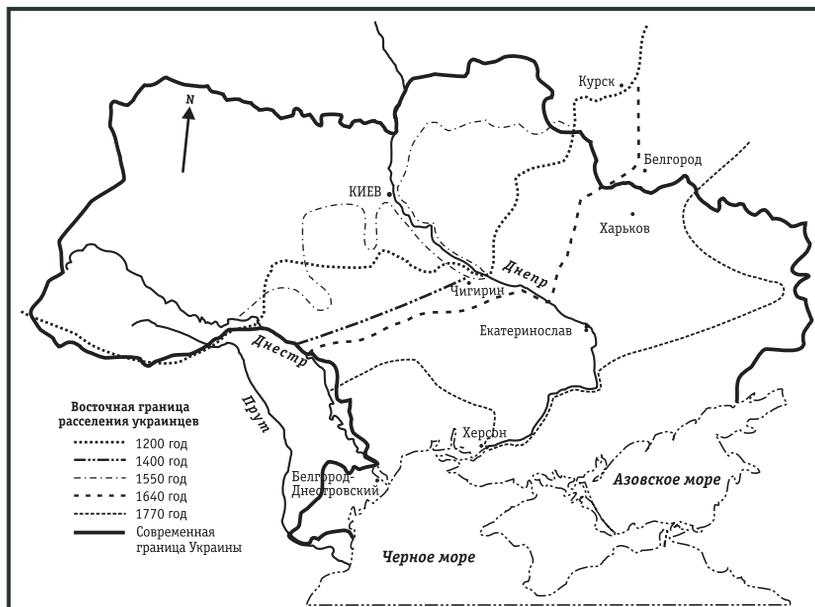

Рисунок 7.4. Украинская колонизация до 1770 года

Источник: Крипякевич І. *Історія української колонізації*. // Кубійович В. *Географія українських та суміжних земель*. Краків-Львів, 1943, р. 264.

XVI века южная граница оседлого населения в России проходила примерно на уровне Оки («Тульская линия»), а на Украине даже на правом берегу Днепра «под самым Житомиром жители „на селищах не смеют перед татарами жити“. Все пусто на восток от Винницы. На левом берегу только на Десне и за Десной ютятся несколько сел»²³. Однако со второй половины XVI века продвижение на юг ускоряется, донские казаки выходят к низовьям Волги и Дона, на территорию Предкавказья и здесь встречаются со своими украинскими собратьями. «До 70-х годов XVII века, — пишет Милюков, — донцы могли расширять свою территорию колонизацией свободных земель. Но..., с царского же решения, надвигалась им наперерез с востока малорусская колонизация. К 1670-м годам она подошла к Дону очень близко»²⁴.

Активная украинская колонизация правого, а затем и левого берегов Днепра набирала размах по мере усиливающегося давления России и Польши на крымских татар и стоявшую за их спиной Турцию²⁵. Немалую роль сыграло и соперничество Рос-

²³ Милюков П. Н. *Очерки...* (1993). Т. 1, с. 457.

²⁴ Там же, с. 465.

²⁵ «Только после того, как Москва построила в 1550–1560 гг. укрепленную „Тульскую“ линию, доведя ее до Путивля, заселение этих мест пошло быстрее. Значительно позднее польское правительство принялось также за постройку укреплений на севере Полтавщины. Очевидец и участник

сии и Польши, экономическое и религиозное притеснение украинцев со стороны польских властей. Под влиянием политических событий продвижение украинского населения на восток то усиливалось, то ослабевало, но не прекращалось. Во второй половине XVII века были заселены почти вся будущая Харьковская губерния, юг Курской и запад Воронежской. «На землях Слободской Украины (район между Курском, Полтавой и Харьковом) миграция „черкасс“ со второй половины XVII в. сливается с московской колонизацией — наполовину правительственно-военной, наполовину вольно-народной»²⁶.

Московское правительство не препятствовало украинской колонизации, более того, поддерживало ее, не делая разницы между украинцами и великороссами. Казачество — передовой отряд восточнославянской колонизации — с самого начала имело смешанное великорусско-украинское происхождение. Даже на Дону, по преимуществу великорусском, всегда присутствовали и украинцы. Упомянув о древнейшем казацком городке (Верхних Раздорах) как о пункте сосредоточения донских казаков, историк тут же добавляет, что «немного позже эта роль перешла к черкасскому городку, основанному, по некоторым известиям, выходцами из Малороссии в 1570 г.»²⁷. Позднее «контингент донского казачества сильно увеличился... от прилива в его среду малорусских казаков после усмирения казацких восстаний первой половины XVII столетия»²⁸. В начале XVIII в. Петр I, добивавшийся ограничения вольностей донских казаков, подверг их репрессиям и отобрал у них часть земель, которые «были поделены отчасти между малороссийской колонизацией..., отчасти между южно-великорусской (Воронежская провинция)»²⁹. Украинцы принимали участие в формировании и терского казачества. А в конце XVIII века, при Екатерине II, расформировавшей Запорожскую сечь, было создано новое казачье войско — Черноморское, вскоре переселенное на Кубань для освоения созданной там очередной укрепленной линии. «Контингент военного люда для поселения по этой линии дал уже не Дон, а Запорожье и вообще Малороссия... В общей сложности на Кубань переселилось запорожцев из Турции и Малороссии более 100 тысяч человек»³⁰. В 1860 г. Черноморское казачье войско было переименовано в Кубанское. Оно сыграло очень важную роль в покорении Кавказа — «честь выполнения этого славного дела, — говорилось в императорском рескрипте, — принадлежит преимущественно казакам Кубанского войска»³¹.

этой военной колонизации, французский инженер Боплан оставил нам живое свидетельство о ней. «В течение пятнадцати лет на службе у двух польских королей (1630–1647), — пишет он, — я основал более пятидесяти значительных слобод или колоний, образовавших, в свою очередь, в несколько лет до тысячи деревень, благодаря приросту новых поселений. Это население раздвинуло границы государства...; эта страна (большая часть которой заселена была при мне) составляет теперь неприступный оплот против могущества турок» (*Милюков П. Н. Очерки...* (1993). Т. 1, с. 457).

²⁶ Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951, с. 12.

²⁷ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909, с. 278.

²⁸ Там же, с. 279.

²⁹ Милюков П. Н. Очерки... (1993). Т. 1, с. 466.

³⁰ Любавский М. К. Историческая география России..., с. 287–288.

³¹ Цит. по: Куценко И. Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1993, с. 213.

Одним из результатов колонизации XVII–XIX веков было то, что территория более или менее компактного расселения украинцев увеличилась не менее чем в два раза, распространившись на востоке до Дона и Кубани, на юге — до берегов Черного и Азовского морей. «Огромная территория, равная, примерно, половине Украины, присоединилась к ней с этнографической точки зрения»³². Нынешняя государственная территория Украины — в очень большой мере — результат этой колонизации. По словам О. Субтельного, «веками продвижение восточных славян на плодородные черноземы Юга и к Черному морю было постоянным фактором истории Украины. К концу XVIII в. эта цель была наконец достигнута. В основном благодаря усилиям русского имперского правительства, южная треть Украины была открыта для развития — достижение, сравнимое по своему значению с открытием американского Запада»³³.

Восточнославянская колонизация шла такими темпами, что уже в XVIII веке «истощился... колонизационный материал — малорусский и великорусский»³⁴. А поскольку колонизационные планы правительства оставались большими, «оно обратилось к заграничному переселенческому материалу»³⁵, а также к бежавшим за границу раскольникам. Так в Новороссии и в Поволжье появились южные славяне (сербы, болгары), молдаване, гагаузы из тогдашних турецких и австрийских владений, греки и армяне из Крыма, немцы. Скажем, немцы в Поволжье появились в 1760-е годы в ответ на манифест Екатерины II, приглашавшей иностранных колонистов селиться на Волге южнее Самары. Позднее, уже в 80-е годы, правительство снова обратилось к иностранным колонистам-сектантам и отвело под их поселение более 500 тысяч десятин в Новороссийском крае. Стало быть, восточнославянская в своей основе колонизация издавна вовлекала в поток переселенцев не одних только великороссов, малороссов и в меньшей степени белорусов, хотя, конечно, они составляли большинство. К концу XIX века население всех прилегающих к Черному и Азовскому морям губерний было в основном украинско-русским.

Однако колонизационное движение не прекращалось. Оно шло волнами, только-только заселенные области сами становились районами выхода новых колонизационных потоков, и по-прежнему главную массу переселенцев составляли русские и украинцы. С 1896 по 1912 г., в период массовых крестьянских переселений в Сибирь, 42% из 4,5 млн. переселившихся сюда жителей Европейской России составляли выходцы из губерний, находившихся на территории современной Украины (за вычетом отошедшей к ней части Области войска Донского)³⁶.

³² Полонська-Василенко Н. Історія України. Київ, 1992, т. 1, с. 465.

³³ Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1993, с. 237.

³⁴ Милюков П. Очерки... (1918). Ч. I, с. 63.

³⁵ Там же.

³⁶ Покшишевский В. В. Цит. соч., с. 173.

7.4. Заселение Сибири

Пространство восточнославянской колонизации понемногу вбирало в себя некоторые азиатские элементы, даже оставаясь географически европейским. Подлинное же его превращение в «евразийское» началось с освоением Сибири. Поначалу оно воспринималось как простое продолжение предшествующей колонизации и лишь позднее стало осознаться как чуть ли не поворотная точка в истории России. «Московская власть едва ли предвидела, — писал Милюков, — что здесь создается то „жизненное пространство“, которое составит переход Москвы от „царства“ к „империи“»³⁷.

В самом деле, с выходом за Урал рядом с Европейской Россией формально появилась Азиатская, в конце концов в несколько раз по территории превзошедшая ее. Но при этом и сама колонизация вступила в новый этап, приобрела иной характер. До тех пор, пока она разворачивалась к западу от Урала, речь шла о расширении области компактного расселения восточнославянских народов, отчасти перемешанных с находившимися на завоеванных землях угро-финнами и тюрками, по сути, о расширении территории единого более или менее равномерно заселенного государства. С Сибирью дело обстояло иначе.

Ее более или менее массовому заселению предшествовало длительное проникновение сюда отрядов московских войск и казаков, а вместе с ними и купцов, причем это движение происходило по преимуществу в северной части Сибири, в ее лесной зоне, где для массовой восточнославянской колонизации условий не было. Ибо в основе своей такая колонизация в России всегда была земледельческой, до перехода через Урал ей неизменно благоприятствовали климатические и почвенные условия огромной Восточноевропейской равнины. Что же касается беспредельных зауральских просторов, то лишь относительно малая часть их, правда, совсем не малая по абсолютным размерам, с учащающимися перерывами тянувшаяся вдоль пятидесятой параллели (к северу от нее) до самого Тихого океана, — южная Сибирь и южный Дальний Восток — более или менее отвечает требованиям европейского земледелия. Только эта полоса и была пригодна для массового крестьянского заселения. Отряды московских завоевателей вышли сюда, в западно-сибирскую и забайкальскую лесостепь, только во второй половине XVII века. Но их заселение с самого начала было затруднено огромностью расстояний, а также ограниченностью людских ресурсов в Европейской России: даже для многолюдной России Северная Азия была слишком велика.

Центральные районы Европейской России страдали от аграрного перенаселения, земледельческая колонизация окраинных территорий помогала несколько ослабить его. Но пригодные для крестьянских переселений земли были не только за Уралом. Помимо уже упоминавшейся колонизации южнорусских степей, немалую роль играли и переселения на другие, ближние «украины» европейской части страны — в Поволжье, Предуралье, на Северный Кавказ. А теперь появились и простиравшиеся за Уралом пло-

³⁷ Милюков П. Н. Очерки... (1993). Т. 1, с. 488.

дородные земли Сибири, Дальнего Востока, степной части Казахстана. В России просто не хватало населения, чтобы освоить эти огромные просторы.

Не удивительно, что заселение Азиатской России, в том числе и собственно Сибири и Дальнего Востока, шло медленно. В начале XVIII века (1710 г.) русское население Сибири насчитывало немногим более 300 тыс. человек³⁸, «такой ничтожный результат... объясняется..., главным образом, ничтожностью русского колониционного фонда»³⁹. До конца XVIII века прирост этого населения «не выходит из норм, обычных для одного лишь естественного»⁴⁰, оно увеличилось, примерно, до 600 тыс. человек⁴¹. В XIX веке положение изменилось, но не так сильно, как иногда думают. В частности, на заселение Сибири и Дальнего Востока сравнительно мало повлияли крестьянские миграции конца XIX – начала XX веков, сконцентрированные к тому же в основном в степной и лесостепной зонах на границе Западной Сибири и Северного Казахстана. (Эта зона приняла львиную долю общего потока крестьян-переселенцев в Сибирь за период с 1861 по 1914 г. — 3,4 из 4,1 млн. человек⁴².)

Впоследствии «евразийцы» писали о двух европейских колониционных волнах, идущих одна на Восток, а другая на Запад от линии Неман — Западный Буг — Сан — устье Дуная «и сталкивающихся на берегах Берингова моря»⁴³. Русские землепроходцы и в самом деле дошли до Берингова моря и даже дальше — до Калифорнии. Аляска до 1867 г. входила в состав Российской империи. Была и «восточная» колониционная волна. Но ее едва ли правомерно ставить в один ряд с «западной». Эта последняя была чрезвычайно мощной, она создала население США и Канады, Австралии и Новой Зеландии, повлияла на состав и численность населения Латинской Америки, Южной и Северной Африки, в полном смысле слова изменила лицо мира. Только с начала XIX в. и до начала Первой мировой войны из Европы за океан выехало более 50 млн. человек, из которых примерно две трети осели на новых местах⁴⁴. За то же время — с 1800 по 1914 г. в Азиатскую Россию, преимущественно в Сибирь и на Дальний Восток, переселилось немногим более 7 млн. человек⁴⁵, в том числе 3,7 млн. — после 1870 г.⁴⁶ В конце XIX века во всей Сибири вместе с Дальним Востоком насчитывалось лишь 5,8 млн. человек — 4,6% населения Российской империи и 6,2% населения Европейской России⁴⁷, в 1913 г. — около 10 млн⁴⁸.

³⁸ Покшишевский В. В. Цит. соч., с. 72.

³⁹ Любавский М. К. Историческая география России..., с. 341.

⁴⁰ Покшишевский В. В. Цит. соч., с. 101.

⁴¹ Там же. По данным Кабузана, русское население Сибири в 1719 г. — 321 тыс. человек, в 1795 — 819 тыс. (Кабузан В. Русские в мире. Спб., 1996, с. 294).

⁴² Там же, с. 170.

⁴³ Евразийство... с. 377.

⁴⁴ Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1984, с. 403.

⁴⁵ Оболенский В. В. (Осинский) Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928, с. 84–85.

⁴⁶ Кабузан В. Цит. соч., с. 320. По оценке Покшишевского, за 1861–1914 гг. — немногим более 4 млн. человек. (Покшишевский В. В. Цит. соч., с. 166).

⁴⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. Спб., 1905, с. 5, 7.

⁴⁸ Рашин А. Население России за 100 лет. М., 1956, с. 26.

Ограниченность демографических ресурсов России была важным, но не единственным препятствием заселению Сибири. И завоевательные походы, и даже мирное переселенческое движение за Урал требовали огромного напряжения сил, были очень тяжелы для переселенцев, на которых ложилось основное бремя освоения новых земель. Крестьянские переселения были очень трудными, сопровождалась тяжелейшими лишениями, большими демографическими потерями. Многочисленные описания одних только условий переездов крестьянских семей⁴⁹ рисуют картины, сравнимые с теми, какие приводят авторы, описывающие транспортировку ссылавшихся кулаков или депортированных народов в сталинские времена. Очень нелегким было и обустройство после прибытия на место. Лишь в 90-е годы XIX века «под впечатлением тех страшных бедствий, которые претерпевали десятки тысяч переселенческих семей на своем многотрадном пути»⁵⁰, государство заняло более активную позицию в смысле помощи переселенцам, хотя кардинальных перемен, по-видимому, все же не произошло.

В заселении Азиатской России немалая роль принадлежала ссылке и каторге. До 80-х годов XIX века число направившихся сюда заключенных и ссыльных превосходило, в некоторые десятилетия — в два-три раза, число осевших переселенцев-крестьян. С 1795 по 1858 г. на 350 тыс. ссыльных пришлось всего 167 тыс. переселенцев⁵¹. В целом же за 1800–1914 гг. заключенные и ссыльные составили примерно 18% всех, переместившихся из Европейской в Азиатскую Россию⁵². Помимо ссылки как формы наказания, существовало еще введенное в 1760 г. насильственное переселение в Сибирь крепостных крестьян, которые засчитывались помещикам за рекрут. «Колонизационная цель этого закона очевидна, и в значительной степени она была достигнута. Но — какой ценой? Для крестьян это была высшая точка их бесправия; для помещиков — удобный способ заменить поставку здоровых рекрут крестьянами, неспособными к работе и к военной службе... Подобным человеческим материалом правительство неоднократно пыталось заселить наиболее отдаленные и неудобные места... Поселенцы бедствовали, разбегались, вымирали»⁵³. При всей значительности демографического вклада насильственных переселений всех видов, изменить положения с заселением Сибири коренным образом они не могли.

В свое время, размышляя о возможностях колонизации Сибири, М. Венюков полагал, что «на прилив свободных, образованных, а тем более зажиточных западно-европейских колонистов ей рассчитывать нечего... Из Европейской России также можно ожидать прихода только людей бедных и необразованных, хотя бы даже энергичных, да и тех в небольшом числе»⁵⁴. Он говорил о естественно-географических и нрав-

⁴⁹ См., напр., подборку таких описаний в книге А. Кауфмана «Переселение и колонизация». Спб., 1905, с. 35–40, 101–107. Кауфман приводит данные о том, что в некоторых переселенческих партиях за время переезда умирало 30–40% детей в возрасте до 8 лет, общая же смертность в конце 80-х – начале 90-х годов превышала 6, 7 иногда даже 8%.

⁵⁰ Кауфман А. Переселение и колонизация, с. 44.

⁵¹ Кабузан В. Цит. соч., с. 309.

⁵² Оболенский В. В. (Осинский) Цит. соч., с. 84–85.

⁵³ Милуков П. Н. Очерки... (1993). Т. 1, с. 500.

⁵⁴ Венюков М. И. Поступательное движение России в северной и восточной Азии. // Венюков М. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. Спб., 1877, с. 83–84.

ственно-политических препятствиях заселению Сибири, об отсутствии путей сообщения и капиталов для их строительства. Был, правда, случай, писал Венюков, когда американцы предложили (в 1857г.) за свой счет построить «рельсовый путь между Амуром и Байкалом, что много облегчило бы заселение Амурского края, то есть экономически и политически важнейшей части Азиатской России; но предложение... было отклонено, так как возникло опасение, что нравы, обычаи и понятия американцев могут принести больше нравственного вреда Забайкалью и Амурской стране, чем построенная ими железная дорога вещественной пользы»⁵⁵.

Но ко всему этому Венюков, сравнивавший неуспехи сибирской колонизации с успехами североамериканской, добавлял указание на «странное, исключительно Сибири свойственное экономическое явление: отсутствие частной поземельной собственности... Вся необъятная площадь Сибири принадлежит государству или, собственно говоря, никому, потому что завладение землями свободно для каждого русского подданного, и даже можно сделать известный участок своим личным имуществом, распахав новь изпод леса, хотя все это не будет вечное, потомственное, а только фактически пожизненное владение. Государство сохраняет за собою право по истечении сорока лет взять эту землю безвозмездно назад. Для большинства русских простолюдинов, населяющих Сибирь, это условие пока не стеснительно; крестьянин даже доволен, что обширные земли вокруг его деревни составляют ее принадлежность на общинном праве: это дает ему возможность чаще переменять поля, не тратясь на удобрение истощившейся почвы. Но для крупного землевладельца, фермера и фабриканта такие хозяйственные условия крайне невыгодны»⁵⁶. К началу XX века Сибирь оставалась крайне слабо заселенной, а освоенные здесь земли имели «вид постепенно суживающегося зазубренного меча, тончающего и слабеющего на своем восточном конце, вклинившегося между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями самого обширного государства желтой расы»⁵⁷.

7.5. Продвижение на Кавказ и в Среднюю Азию

Нам уже знакомы слова Ключевского о том, что, с конца XVIII века русское государство, «вобравши в себя всю русскую национальность..., начинает освобождать другие национальности, родственные русской в религиозном или племенном смысле» (разумеется, «русская национальность» у Ключевского — это все восточные славяне). В действительности же XIX век — время присоединения к России земель, населенных народами, весьма далекими в племенном, а в большинстве случаев и религиозном отношении. Главные из них — Кавказ и Средняя Азия.

Еще в XVI веке, когда Московское государство утвердилось в устье Волги, это, по словам С. Соловьева, открыло ему «целый мир мелких владений в Прикавказье: князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев, и потому, как скоро увидали у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свобод-

⁵⁵ Там же, с. 84.

⁵⁶ Там же, с. 85–87.

⁵⁷ Семенов-Тянь-Шанский В. Цит. соч., с. 16.

ной торговле в Астрахани, некоторые с предложением подданства, и таким образом незаметно, волею-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на восток, к Кавказу и за него»⁵⁸.

Некогда, во времена Давида Строителя и царицы Тамары (XI–XIII вв.), в Закавказье существовало могущественное Грузинское царство, контролирувавшее земли нынешних Грузии, Армении и Азербайджана. Позднее, особенно после завоевательных походов Тамерлана в XIV веке, оно распалось на части, не способные противодействовать давлению крупных держав, отстаять свою реальную независимость, защитить себя от набегов северокавказских соседей. Персия и Турция не одно столетие вели борьбу за контроль над образовавшимися здесь княжествами и ханствами, а затем в эту борьбу включилась и Россия. Во второй половине XVIII века ее победы в русско-турецких войнах изменили военно-политический баланс в регионе, но не привели к восстановлению бывшего величия грузинских царей. Изменившаяся обстановка вынудила Грузию сначала к поиску российского покровительства (Георгиевский трактат 1783 г. о протекторате России над Восточно-Грузинским царством), а затем к присоединению к России — сперва Восточно-Грузинского царства (в 1801 г.), а затем и западно-грузинских земель — Мингрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии и Ахалцихской области. Складывание «российской» Грузии растянулось на столетие, последней вошла в состав империи Аджария — уже в конце 70-х годов XIX века.

Соперничество между Россией, Турцией и Персией определило и судьбу Азербайджана. Еще в XVIII веке (в 1724 г.) он был разделен между этими тремя державами, в основном между Россией и Турцией. Двенадцать лет спустя Россия возвратила Персии прикаспийские области Азербайджана, а Персия отвоела азербайджанские районы, захваченные Турцией, что тогда было выгодно России, заинтересованной в ослаблении Турции. Но борьба держав на этом не закончилась. В начале XIX века, после двух русско-персидских войн, земли северного Азербайджана снова отошли к России. По Туркманчайскому миру 1828 г. была установлена граница между Северным (российским) и южным (иранским) Азербайджаном по р. Аракс, дожившая до наших дней.

В результате всех этих подвижек в составе России оказались и зависившие от Грузии или непосредственно от Турции и Персии (Эриванское, Нахичеванское, Ганджинское, Карабахское ханства, Ахалцихская область) земли со значительным армянским населением. Армения тоже знала в прошлом периоды государственного могущества. Но постоянные войны с более сильными соседями, вторжения турок-сельджуков, а позднее татаро-монголов разрушили армянскую государственность. События конца XVIII – начала XIX веков привели Восточную Армению в состав России. После присоединения к ней Эриванского и Нахичеванского ханств из них была создана Армянская область, ставшая ядром будущего нового армянского государства.

Присоединение более крупных, имевших давние традиции собственной государственности закавказских владений оказалось более простым и совершилось раньше, нежели включение в состав империи раздробленного и полудикого горского Кавказа. Он был завоеван Россией в XIX веке в ходе кровопролитной войны, длившейся несколько

⁵⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III, т. 6, М., 1960, с. 489.

десятилетий (1817–1864 гг.). Начиная войну, император Николай I писал генералу Паскевичу: «Предстоит вам другая задача... — это покорение горских народов или истребление непокорных»⁵⁹. Эта задача была исполнена, хотя и не без труда. Несмотря на неравенство сил, горцы упорно сопротивлялись, даже терпя поражения, заставляли считаться с собой. Но в конце концов Кавказ был покорен. Русские войска добивались этого, как писал историк Е. Фелицын в начале XX в., «с неумолимой суровостью. Черкесские аулы выжигались сотнями, посеы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявившие покорность, выселялись на плоскость под управление наших приставов, непокорные же отправлялись на берег моря для переселения в Турцию»⁶⁰.

Последним крупным приобретением Российской империи стала Средняя Азия, точнее ее часть, если отождествлять Среднюю Азию с Туркестаном, «состоящим из трех частей: древней Согдианы (Transoxiana — на латыни, Ma-wa ran Nahr [Мавараннахр] — по-арабски), к которой можно присоединить Хорезм и Хорасан; Yeti Su, или Семиречья; Восточного Туркестана (Синцзяна), или Кашгарии»⁶¹.

Российская империя приближалась к Туркестану постепенно, по мере расширения своих южных владений. Еще раньше в орбиту русского влияния попал Казахстан. Его присоединение к России началось в XVIII веке. В 1731 г. принял российское подданство хан Младшего жуза, в 1740 г. — в ее состав вошел Средний жуз, в 1846 г. — Старший жуз (Семиречье), находившийся под властью Коканда. Затем наступила очередь существовавших в первой половине XIX века собственно среднеазиатских ханств — Бухарского, Кокандского и Хивинского, а также нескольких более мелких полунезависимых владений. Прямая подготовка к их завоеванию началась в 30-е годы XIX в., с 50-х годов шел постепенный захват территорий. В 1854 г. был заложен форт Верный (Алма-Ата), в 1865 г. взят Ташкент, в 1868 — Самарканд. В 1868 г. признали вассальную зависимость от России Бухара и Коканд (несколько лет спустя — в 1876 г. Кокандское ханство было упразднено), а их земли, занятые до этого, присоединены к России. В 1873 г. установлена вассальная зависимость Хивинского ханства. В 1880–1881 гг. завоевана Туркмения. Присоединение Средней Азии далось России относительно легко, ее веса великой державы часто было достаточно, чтобы заставить отступить имевшихся в регионе конкурентов и решить многие вопросы средствами дипломатического нажима и выкручивания рук. Но не раз шло в ход и оружие, обращенное против несравненно более слабого противника. «В этом отношении Туркестан не может идти в сравнение с Кавказом. Нередко огромные города брались штурмом горстью людей, а десятки тысяч войска разбивались наголову при потере нескольких человек»⁶².

⁵⁹ Цит. по: Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс, 1990, с. 86.

⁶⁰ Цит по: Касумов А. Х. Разные судьбы. Нальчик, 1967, с. 7.

⁶¹ Hauner M. What is Asia to us... , p. 73.

⁶² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., 1902, т. 34, с. 175. Вот несколько фрагментов из описания штурма, приведшего к захвату Геок-Тепе. Оно принадлежит перу участника штурма, впоследствии военного министра, Куропаткина. «Генерал Скобелев собрал под стены Денгиль-тепе 47 рот пехоты, 9 эскадронов и сотен конницы, 58 орудий, 5 картечных, 16 мортир, 227 офицеров, 6672 нижних чинов... Выпущено в день штурма снарядов 5604, ракет 224, патронов пехотных 273000, кавалерийских 125000... Во время штурма у неприятеля отбиты: два горных орудия... одно медное гладкое орудие, два чугунных замбурека... 1500 штук ружей, писто-

Считается, что присоединение Туркестана завершилось в 1885 г., когда окончательно определилась юго-западная граница «русского» Туркестана с Афганистаном, хотя оставались еще нерешенными некоторые пограничные вопросы на Памире. Здесь последний пограничный столб был врыт в 1895 г. «Российская империя завершила присоединение Средней Азии. Ее пограничная линия приняла окончательный характер»⁶³. Впрочем, действительно ли она рассматривалась как окончательная? Ведь оставались еще китайская, иранская и афганская части Туркестана. Правда, уже в XIX веке раздавались голоса, предостерегавшие от проникновения в его восточную, китайскую часть. Ее покорение противно интересам России, писал более ста лет назад М. Венюков. «Наша теперешняя граница по Тянь-Шаню лучше, потому что совершенно определительна и недоступна, тогда как Джинтышар не имеет естественных пределов с востока. Кроме того, Россия уже сделала столько завоеваний в мусульманской Азии, что может желать только одного: не увеличивать без необходимости числа своих магометанских подданных, да еще таких беспокойных людей, какими всегда оказываются обитатели восточного Туркестана»⁶⁴. Но в отношении южного Туркестана тот же Венюков был настроен более воинственно. Россия, полагал он, «не может еще остановиться в своем поступательном движении, пока не замкнет с юга степей, простирающихся до Хорасана и Гиндукуша»⁶⁵. Рано или поздно она «должна исполнить свое призвание: занять Туркестан сполна»⁶⁶.

Это призвание так и осталось неисполненным, но и без того среднеазиатские завоевания XIX века расширили ее территорию на полтора миллиона квадратных километров⁶⁷ и привели в ее состав более 5 млн. человек.

летов и шашек... Мы потеряли выбывшими из строя [убитыми и ранеными] офицеров 34, нижних чинов 364, лошадей 71... Потеря неприятеля во время бомбардирования, при штурме и преследовании, составила свыше 6000 человек... Преследование и рубка продолжались 15 верст... Еще оставшиеся сплоченными толпы текинцев были рассеяны, а значительную часть женщин удалось возвратить в крепость с целью иметь залог для возвращения жителей в свои жилища... Внутри крепости нами взято до 5000 женщин и детей. Все мужчины были убиты или бежали». (*Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении. Спб., 1899, с. 199–211*). Именно эту победу славил Достоевский. «Имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу». (*Достоевский Ф. М. Геок-Тепе. Что такое Азия для нас? (Дневник писателя, 1881)*. // Полн. собр. соч., т. 27, с. 33, 38).

⁶³ *Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965, с. 404.*

⁶⁴ *Венюков М. И. Поступательное движение России в Средней Азии. // Венюков М. Россия и Восток, с. 195. Предостережения Венюкова не всем показались убедительными. Об этом говорят и провозглашение в Синцзяне вскоре после Второй мировой войны, не без помощи СССР, независимой республики Восточного Туркестана, и даже, как ни странно, мечтания постсоветских российских «геополитиков», вспоминающих идеи русских императоров о присоединении Синцзяна к России и полагающих, что «к этой линии следует вернуться» (*Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997, с. 362*).*

⁶⁵ *Венюков М. И. Поступательное движение России в Средней Азии, с. 173.*

⁶⁶ Там же, с. 198.

⁶⁷ Территория, как не преминул заметить автор энциклопедической статьи, равная «Германии, Франции и Австро-Венгрии вместе взятым». (*Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб., 1902, т. 34, с. 175*).

7.6. Оттеснение инородцев

В итоге нескольких веков восточнославянской, по преимуществу, колонизации, сопровождавшейся вхождением в состав империи народов, живших на присоединяемых землях, к концу XIX века население империи насчитывало 130 миллионов человек — около 8% мирового населения. В это время, свидетельствует перепись 1897 г., жители России говорили на 146 языках и наречиях. Русские (то есть, в терминах публикаций переписи, все восточные славяне — великороссы, малороссы и белорусы) составляли две трети населения империи (66,8%)⁶⁸. Православных было чуть больше — свыше 69%. Кроме того, насчитывалось свыше 11% мусульман, свыше 9% католиков, около 3% протестантов, более 4% иудеев, были представители и других христианских и нехристианских конфессий (старообрядцы, армяно-грегориане, буддисты и пр.).

Такая пестрота этнического и религиозного состава порождала множество проблем, которые далеко не всегда получали мирное и безболезненное решение. Многие из них возникали в связи с самим фактом колонизации и непростыми отношениями между пришлыми колонизаторами и коренными жителями присоединяемых земель. Г. Федотов писал, что в умах русской интеллигенции «укоренилось... наивное представление о том, что русское государство, в отличие от всех государств Запада, строилось не насилем, а мирной экспансией, не завоеванием, а колонизацией»⁶⁹. «Параллельный немецкому русский *Drang nach Osten*, — продолжает Федотов, — оставил меньше кровавых следов на страницах истории»⁷⁰, но тоже не был мирным и бескровным.

Еще и сегодня жива мифология российского колониализма, наделяющая его чертами особой терпимости, гуманности по отношению к присоединяемым народам. «Царизм, — утверждает современный исследователь, — не делал в своей миграционной политике различий между народностями страны... Неславянские народы России были включены в основном в разряд государственных крестьян. Это открыло перед ними сравнительно широкие возможности заселять окраины страны. Ими в должной мере воспользовались татары, мордва, чуваша, молдаване, а из иностранных выходцев — болгары, греки и армяне»⁷¹.

Выше уже отмечалось, что русских и украинцев не хватало для заселения непрерывно разраставшихся российских просторов, и на каком-то этапе было просто необходимо обратиться к «иностранному переселенческому материалу». В результате в миграционное движение на «окраины» и были вовлечены перечисленные в предыдущем абзаце народы. Но само по себе это еще не означает отсутствия дискриминационной миграционной политики в другие периоды или по отношению к другим народам — ведь население России говорило чуть не на ста пятидесяти языках.

⁶⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи..., таблица 1.

⁶⁹ Федотов Г. Судьба империй. // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993, с. 338.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Кабузан В. Цит. соч., с. 108.

Как раз «миграционная политика» имперских властей, сами реальности миграций — давних и недавних — говорят о том, что различия между народностями были — и немалые. Печальную, хотя и не очень хорошо известную страницу русской колонизации составляет вытеснение значительной части населения колонизируемых земель, иногда обрекавшее его на жизнь в худших природных и экономических условиях, а нередко побуждавшее и вовсе покинуть земли своих предков.

Начиная с XV, но в основном в XVI веке в состав Московского государства, помимо восточнославянских земель, включаются и земли, заселенные неславянскими народами. Вначале это — северо-восточный угол Европы, где к тому времени жили народы **финно-угорской** группы; мордва, удмурты (вотяки), марийцы (черемисы), коми (зыряне). Наступление на финно-угорские народы имеет давнюю историю. Колонизация земель крупнейшего из них — мордвы — началась в XIII веке, «первые шаги, еще до татарского нашествия носили характер форменного завоевания»⁷². Во время татарского ига мордва платила ясак татарам, «после победы Дмитрия Донского мордовские земли стали переходить к московским служилым людям и татарским царевичам, перешедшим на московскую службу»⁷³. Позднее проводилась активная политика обращения мордвы в христианство, часто под прямой угрозой силы.

Примерно так же обстояло дело и с другими финно-угорскими народами, а также с тюркоязычными чувашами. Их покорение было облегчено слабостью их социальной организации, политической и культурной несамостоятельностью, зависимостью от татарско-мусульманского мира, который сам был ослаблен. Все же и эта колонизация не была ни мирной, ни безобидной для коренного населения, которое, «особенно та его часть, которая могла и умела организовываться в более широкие племенные союзы, — не так легко уступала места славянской колонизации... оказывала более или менее сильное сопротивление»⁷⁴. Терпя поражения, туземцы уходили в глубь лесов или перемещались на новые места — так шло их постепенное оттеснение. Лишь со временем колонизация приобрела более мирные формы, но не приостановилась. В XVII веке, пишет Милюков о марийцах (черемисах), московское правительство уже пыталось защитить их интересы, запрещало отчуждение их земель. Но оно «не могло остановить ни роста служилого сословия, ни внедрения русских колонистов в среду черемисских поселений... Численность русского населения постепенно растет, а численность черемисов соответственно убывает... Здесь играет роль не только вселение русских, но и обрусение черемисов... Меняется язык, отчасти и быт, но сохраняется антропологический тип — или появляются, благодаря смешанным бракам, смешанные формы»⁷⁵.

В конце XVIII века продвижение русской колонизации в Нижнее Поволжье привело к ликвидации Калмыцкого ханства (1771 г.), после чего 200 тыс. **калмыков** (буддистов) эмигрировало в Джунгарию (северо-западный Китай)⁷⁶.

⁷² Милюков П. Н. Очерки... (1993). Т. 1, с. 477.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, с. 471.

⁷⁵ Там же, с. 474.

⁷⁶ Кабузан Н. Цит. соч., с. 106.

Непросто проходила колонизация **тюркско-мусульманского** мира. Некогда он складывался из поволжских и крымских татар, довольно тесно связанных между собой. В первой половине XVI века к западу от Урала существовали три татарские ханства: Казанское, Астраханское и Крымское, возникшие на развалинах Золотой Орды, причем в этот период все они находились в руках одной династии Гиреев. Победы Ивана Грозного рассекали этот мир. Поволжские (казанские и астраханские) татары вошли в состав России, самостоятельное же Крымское государство продолжало существовать еще более двух столетий. Оно, правда, находилось в вассальной зависимости от Османской империи, но это не только не мешало ему долгое время представлять серьезную самостоятельную угрозу для своих северных соседей — Московского и Польско-литовского государств, но даже усиливало ее. Крымское ханство контролировало все северное Причерноморье от Дуная до Дона, отодвинув довольно далеко к северу границы московского и польско-литовского контроля. «Своими набегами крымские ханы в течение XVI–XVIII веков держали в страхе окраины, а в XVI веке также и центральные области Польско-литовского и Московского государств. Еще в XVII веке крымцы хозяйничали на Украине. В начале XVIII века Слободскую Украину почти каждый год постигал татарский набег... В геополитическом смысле Крымское ханство в значительной мере восстановило юго-западную границу владений Золотой Орды»⁷⁷. К этому нужно добавить, что крымские татары довольно свободно хозяйничали и на Северном Кавказе. Так, только за первую половину XVIII века и только на земли западных адыгов и кабардинцев крымским ханом было совершено семь длительных военных походов (в 1702, 1705, 1707, 1711, 1720, 1731, 1745 гг.), в большинстве вдохновляемых и поддерживаемых Турцией⁷⁸. Все они сопровождались истреблением, уводом в плен и разорением местных жителей.

Завоевание Россией Крыма — деталь сложной глобальной геополитической мозаики, часть европейской антитурецкой реконкисты XVII–XVIII веков. Для России оно имело огромное стратегическое значение. Но интересно, что Ключевский, оправдывая прорыв России к Черному морю, ссылается не столько на военно-политические соображения, сколько на кажущуюся безупречной логику аграрной колонизации. «Крымские татары, сами не пользуясь плодородной почвой южной России, не позволяли пользоваться ею и русскому населению, вырывали эти обширные и плодородные степи из европейского хозяйственного оборота. Надо было оторвать у них и оградить от них эти степи. Но крымские татары находили себе поддержку в Константинополе; хозяйственное приобретение южнорусских степей могло быть достигнуто только борьбой с Турцией. Вот в чем состоял турецкий вопрос для правительств XVIII века, и тогда он не состоял ни в чем более»⁷⁹. «Масса русского населения, некогда скученная на неплодородном верхневолжском суглинке, должна была перенести свой труд на южный плодородный чернозем, обработка которого невозможна была при господстве татар на юге России»⁸⁰.

⁷⁷ Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории. «Вопросы истории», 1993, 11–12, с. 129.

⁷⁸ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974, с. 11–12.

⁷⁹ Ключевский В. Курс русской истории. М., 1937. Ч. V, с. 25–26.

⁸⁰ Там же, с. 27.

Присоединение Крыма, а вместе с ним и северного Причерноморья означало появление в составе Европейской России еще одной области с мусульманским населением и расширение всего мусульманского мира России, а покорение Кавказа снова значительно раздвинуло границы этого мира. Тем не менее, в конечном счете, мусульманское население Европейской России оказалось не очень многочисленным и, вследствие его значительного оттока за пределы империи, увеличивалось медленно.

Эмиграция мусульман началась в последней четверти XVIII века в связи с военными победами России над Турцией (Кучук-Карнаджийский договор 1774 г.), упразднением Крымского ханства и включением его территории в границы России (1783 г.). XIX век стал для Крыма столетием повальной эмиграции, «обычно происходившей при ужасающих условиях и заканчивавшейся значительными потерями. Первый массовый выезд... 1784–1787 годов был относительно небольшим, примерно 8 тыс. человек, все они нашли убежище в Турции. Второй, значительно больший, произошел после Ясского договора (6 января 1792 г.), который ознаменовал собой конец русско-турецкой войны 1788–1789 гг... Приблизительно 100–300 тыс. татар, в основном кочующие (ногайцы), из степей центральной и северной частей Крыма уехали в Османскую империю... В 1812 г. в результате еще одной русско-турецкой войны Ногайская орда Перекопа эмигрировала в Турцию. Следующая большая эмиграция произошла после окончания Крымской войны, в 1860–1863 гг. Опасаясь русской репрессии, около 140 тыс. крымских татар, почти 2/3 всего мусульманского населения, покинули свою родину. В 1864 г. татарская община составляла менее чем 120 тыс. человек... Две последующие волны эмиграции... во второй половине XIX в. способствовали еще большему сокращению крымско-татарской общины. Приблизительно 60 тыс. татар уехало в период 1874–1875 гг., опасаясь военной мобилизации и насильственного обращения в христианство. Следующие 20 тыс. человек покинули Крым в результате плохих условий его экономического развития»⁸¹.

Долговременный характер приобрело вытеснение со своих земель мусульманских народов Северного Кавказа. В этом вытеснении был один из смыслов длившейся несколько десятилетий Кавказской войны. Незадолго до ее окончания, в 1861 г., Александр II, подбадривая завоевателей своим рескриптом «О заселении Северного Кавказа», прямо говорил в нем: «Ныне с Божьей помощью дело полного завоевания Кавказа близко уже к окончанию. Остается несколько лет настойчивых усилий, чтобы совершенно вытеснить враждебных горцев с занимаемых ими плодородных стран и навсегда водворить на сих последних русское христианское население»⁸². «Вытеснение», начатое военными средствами, продолжалось и после окончания войны. Венюков, участник Кавказской войны, рассказывает в своих воспоминаниях, что граф Евдокимов, непосредственный исполнитель официального проекта заселения Западного Кавказа, «не слишком заботился об участии горцев, выселявшихся на прикубанскую низменность. Его твердым убеждением было, что самое лучшее последствие многолетней, дорого стоившей для России войны есть изгнание всех горцев за море. Поэтому на оставшихся за Ку-

⁸¹ Беннигсен А. Исмаил бей Гаспринский и происхождение джадидского движения в России. // Гаспринский Исмаил бей. Россия и Восток. Казань, 1993, с. 82–83.

⁸² Цит. по: Куценко И. Я. Цит. соч., с. 213.

банью, хотя бы и в качестве мирных подданных, он смотрел лишь как на неизбежное зло и делал, что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни»⁸³. При этом «освобождались значительные земельные пространства, необходимые царскому правительству как для поселения казачества, так и для раздачи семейных пожалований»⁸⁴, что обычно не подчеркивалось. Позиция правительства в вопросе о вытеснении кавказских горцев была не только жестокой, но и лицемерной. А. Касумов цитирует любопытный документ, в котором говорится, что «для успеха дела необходимо, чтобы горцы не только не знали о желании нашем содействовать переселению, но местная власть должна, напротив, как бы отклонять их от этого намерения»⁸⁵.

Масштабы оттока мусульман из Европейской части Российской империи не слишком хорошо изучены, оценки, приводимые в российских, западных и турецких источниках, нередко расходятся. Тем не менее после сопоставления разных источников приходится говорить о весьма крупных миграционных перемещениях. Российские авторы упоминают об эмиграции 200 тысяч крымских татар в 70-е – начале 80-х годов XVIII века, т.е. еще до присоединения Крыма в 1883 г.⁸⁶, но в то же время отмечается, что в начале XIX века, по данным турецких переписей, в Европейской Турции, в основном в Румелии, было зарегистрировано 275 тыс. татар и буджакских ногайцев⁸⁷. В конце 50-х – середине 60-х годов XIX в. из России в Турцию эмигрировало около 200 тысяч татар и ногайцев Таврической губернии⁸⁸, а в 60-е – 90-е годы еще около 200 тысяч крымских татар и ногайцев переселилось в Турцию и около 400 тысяч горцев Западного Кавказа — в основном в Ливан, Сирию и другие страны Передней Азии⁸⁹. Таким образом речь идет по меньшей мере о 800 тыс., с учетом же миграций конца XVIII века — более чем о миллионе человек.

Западные и турецкие источники приводят более высокие оценки исламской эмиграции из Российской империи. Говорится, например, о 300–500 тысячах иммигрантов в Турцию из Крыма, Казани, с Кавказа до конца XVIII века⁹⁰. Отмечается, что только в 60-е годы XIX века турецкое правительство должно было разместить в Анатолии и Румелии примерно миллион эмигрантов из Крыма, Дагестана, Западного Кавказа, Кубани и т. д.⁹¹. В Турецкой энциклопедии только численность эмигрировавших из России кавказских мусульман (аварцев, черкесов и представителей других кавказских народов) оценивается в 1,5 млн. человек⁹². Иногда встречаются и еще более высокие

⁸³ Цит по: Касумов А. Х. Цит. соч., с. 7.

⁸⁴ Волкова Н. Г. Цит. соч., с. 220.

⁸⁵ Цит. по: Касумов А. Х. Цит. соч., с. 12.

⁸⁶ Брук С. И., Кабузан В. М. Миграционные процессы в России и СССР. М., 1991, с. 19.

⁸⁷ Там же, с. 69.

⁸⁸ Там же, с. 23.

⁸⁹ Там же, с. 42.

⁹⁰ Dumont P. L'émigration des Musulmans de Russie vers l'Empire Ottoman. Aperçu bibliographique des travaux en langue turque. // Les migrations internationales de la fin du XVIIIe siècle à nos jours. Paris, 1980, p. 212.

⁹¹ Ibid, с. 213.

⁹² Kazgan G. Migratory movements in the Ottoman Empire and the Turkish Republic from the end of the 18th century to the present day. // Les migrations internationales de la fin du XVIIIe siècle à nos jours, p. 618.

оценки. Например, по оценкам турецкого переселенческого комитета, с 1816 по 1910 г. в Турцию разных кавказских племен переселилось около 691 тысячи дворов — более 3,1 млн. человек⁹³.

Всего, по переписи 1897 г., в Европейской России насчитывалось менее 4% мусульман — 3,6 млн. человек, главным образом татары (около 2 млн.) и башкиры (1,4 млн.), а также казахи (киргиз-кайсаки). Они были сосредоточены в основном там же, где и финно-угорские народы — в Волжско-Уральском районе, единственном крупном районе Европейской России, где многочисленное славянское население жило вперемешку с неславянским, не составляя при этом явного большинства. В Казанской губернии на его долю приходилось 38,4% всего населения, в Уфимской — 38,2%. Относительно низкой (53,6%) была его доля и в Астраханской губернии, где жили казахи. Что же касается Крыма и Северного Кавказа, то во время переписи 1897 г. в Крыму оставалось всего 194 тыс. крымских татар (35,5% населения полуострова)⁹⁴, а коренное население Северного Кавказа насчитывало 623 тыс. человек⁹⁵. Выходит, что в Крыму и на Кавказе осталось меньше коренных жителей, чем уехало. Как писал автор начала века, «те, что прославились „проворством ног и силой длани“ — черкесы, эти „кавказцы“, „горцы“ *par excellence*, принадлежат ныне (за исключением кабардинцев) больше истории и литературе, нежели практической политике. Жалкие остатки адыгейских племен прозябают по заулкам Черноморской губернии и Кубанской области»⁹⁶. «Ныне их всего на Кавказе... меньше, чем немцев»⁹⁷.

С присоединением в XVIII–XIX веках Казахстана, а позднее, во второй половине XIX века, и Средней Азии в состав империи были включены еще несколько миллионов мусульман, составивших в то время значительную долю населения Азиатской России. Русского населения в этих краях поначалу было очень мало. Сетуя, что «до племенного преобладания над туземцами русским еще далеко», М. Венюков предлагал, «чтобы это преобладание было достигнуто... мирною заменою части туземного населения смешанно-русским... чрез водворение тех молодых мужчин, которые, будучи раз привлечены в Среднюю Азию службою, пожелали бы жениться на мусульманках и остаться в стране навсегда»⁹⁸. Хотя массовой эмиграции здесь не было, оттеснение местных жителей, в частности казахов, с ценных земель шло полным ходом, что снова-таки вписывалось в казавшуюся безупречной логику земледельческой колонизации. А. Кауфман, говоря, что государственная поддержка крестьянских переселений шла навстречу «экономическим мотивам» и «политическим соображениям, в силу которых признается необходимым внедрять русских поселенцев в Закавказье и Туркестан»⁹⁹, тут же критически отмечал, что «иногда... насущные интересы туземного населения приносились в жертву обрусительным видам общегосударственной политики, и ограниченные запасы свобод-

⁹³ Куценко И. Я. Цит. соч., с. 226.

⁹⁴ Кабузан В. Цит. соч., с. 297.

⁹⁵ Волкова Н. Г. Цит. соч., с. 245.

⁹⁶ Авалов З. Грузины. // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910, с. 473.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Венюков М. И. Поступательное движение России в Средней Азии, с. 143.

⁹⁹ Кауфман А. А. Цит. соч., с. 7.

ных земель отдавались под русскую колонизацию без внимания к нуждам и потребностям местных безземельных и малоземельных крестьян»¹⁰⁰. Тем не менее и он отстаивал принцип: «оставлять туземному населению... столько земли, сколько нужно, чтобы... вести хозяйство среднего размера и установившегося в данной местности типа, и в то же время не закрывать перед ним возможности перехода к более интенсивным формам скотоводческого хозяйства и к земледельческому быту, — весь же избыток земли... считать свободным государственным фондом, предназначенным служить прежде всего и более всего — потребностям переселенческого и колонизационного дела»¹⁰¹. Именно такая политика проводилась в жизнь и привела довольно быстро к заметному изменению этнической карты заселяемых земель. Казахское население в нынешних границах Казахстана составляло, по оценкам, в 1870 г. 2 млн. человек, в 1897 — 3,1 млн., в 1917 — 3,9 млн.¹⁰². Абсолютная численность его, стало быть, росла, но доля во всем населении, вследствие массового притока переселенцев, постоянно снижалась: в 1870 г. — 88%, в 1897 г. — 79, в 1917 — 61%. Доля же русских и украинцев достигла к этому времени 32%¹⁰³.

Не была безболезненной и колонизация слабозаселенной **Сибири**. Здесь, как ранее в Европейской России, пришлое население, встречаясь с коренным, часто сталкивалось с его сопротивлением. Говоря о продвижении казацких конквистадорских отрядов, Венюков отмечал, что «начиная от приуральских вогулов и прииртышских татар и кончая чукчами, камчадалами и гиляками, они должны были победить в открытой борьбе целый ряд народов, которые далеко превосходили числом отважные их дружины. Дикокаменные киргизы на Енисее, буряты в Прибайкальской стране, якуты на Лене оказывались нередко такими противниками, что от них приходилось даже отсиживаться в крепостцах, или по-тогдашнему в острогах»¹⁰⁴. Однако силы были слишком неравными, редкое, имевшее, как правило, примитивную экономическую и политическую организацию коренное население не могло серьезно противостоять напору российского государства, даже его передовым заставам. В итоге «часть инородческого населения крестилась, ассимилировалась с пришельцами... Но большая часть инородцев уходила с приближением русских подданных в глубь лесов и тундр, избегая насилий, что не всегда удавалось. На новых местах инородцы попадали обыкновенно в худшие условия, и потому, с распространением русской колонизации в Сибири, начался процесс вымирания инородцев, делящийся и до сих пор... Партии казаков, рыскавшие по лесной пустыни Сибири..., встречая инородческие юрты, сплошь и рядом брали ясак бабами и девками, которых уводили с собой в свои острожки и зимовья. Инородцам приходилось в одиночестве доканчивать свое жалкое существование. В 1641 г. в восьми волостях Тарского уезда умерло 147 ясачных инородцев: из них только у пяти остались жены и дети»¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Там же, с. 10.

¹⁰¹ Там же, с. 10–11.

¹⁰² Кабузан В. Цит. соч., с. 298. По другой оценке, в 1870 г. 2,6 млн. человек, в 1897 — 3,3 млн., в 1914 — 3,8 млн. (Алексеевко Н. В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981, с. 47).

¹⁰³ Кабузан В. Цит. соч., с. 298.

¹⁰⁴ Венюков М. И. Поступательное движение России в северной и восточной Азии, с. 70.

¹⁰⁵ Любавский М. К. Историческая география России..., с. 341–342.

Впрочем, и положение пришлого, «европейского» населения было непростым. Н. Ядринцев сравнивал его «сдвигающейся на восток колонной, сначала сплошной, потом суживающейся, наконец, совершенно теряющейся в пустыне, как теряется река в песчаной степи... Кругом этого русского населения и между ним по пустыням расположены инородцы, остатки финских, тюркских и монгольских племен... В общей... сложности все инородцы... свою численностью немного уступают русским... Русская народность не могла, однакож, поглотить инородцев, не смешиваясь с ними, не купив свою победу слитием, т. е. не окрасившись сама побежденным инородческим элементом»¹⁰⁶. «Ныне даже есть местности, — писал Венюков, — где сами русские объякутились или омонголились, так что парни 15–17 лет еще не говорят по-русски»¹⁰⁷.

Эта картина, может быть и верная для отдельных мест, была все-таки совершенно иной для Сибири в целом, по крайней мере к концу XIX века. По данным Всеобщей переписи населения 1897 г., доля восточных славян (по официальной терминологии того времени — русских) в населении Сибири составляла 81% — выше, чем в Европейской России. 95% из них приходилось на великороссов (этническая принадлежность определялась по родному языку; наверняка, какую-то часть великороссов составляли обрусевшие и сменившие язык потомки украинцев и белорусов). Еще полтора-два процента приходилось на других выходцев из «Европы»: евреев, поляков, латышей, немцев, эстонцев и т. д. На этом фоне совершенно терялись даже самые крупные коренные народы: буряты (5%), якуты (4%), сибирские татары (3,6%)¹⁰⁸.

Почти сто лет, истекшие после первой переписи населения, не принесли принципиальных изменений. Население Азиатской России росло в основном за счет притока населения из ее европейской части, что лишь усиливало доминирование восточнославянского элемента. По последней советской переписи 1989 г., на его долю приходилось почти 89% всего населения зауральской России. 94% всех восточных славян декларировали себя русскими, свыше 97% назвали русский своим родным языком. Из других «европейцев» следует отметить около полумиллиона немцев, депортированных сюда во время Второй мировой войны (1,5% всего населения в 1989 г.). Доля бурятов упала до 1,2%, якутов — до 1,1%.

Особая страница имперской истории — вытеснение **еврейского** населения. С XIII–XIV веков оно сосредотачивалось в соседних с Россией Польше и Литве, власти которых благоприятно относились к его иммиграции, и уже тогда здесь сложилось самое многочисленное в Европе еврейское население. В России же до конца XVIII века оно было крайне незначительным. Но после раздела Польши и включения ее восточной части в состав Российской империи, последняя автоматически превратилась в страну с самым большим в мире еврейским населением, причем ее роль как главного очага еврейской диаспоры все время увеличивалась. Считается, что в 1800 г. в России было сосредоточено 23% всех живущих в мире евреев, а в 1880 г. доля России превысила 53%¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892, с. 87–88.

¹⁰⁷ Венюков М. И. Поступательное движение России в северной и восточной Азии, с. 77.

¹⁰⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи..., таблица 1.

¹⁰⁹ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1994, т. 7, с. 385.

Несмотря на столь внушительные размеры российской еврейской общины (5,2 млн. человек в 1897 г.), ей приходилось существовать в весьма неблагоприятных условиях, на которые она не могла повлиять. Эмансипация евреев, шедшая в Европе в XIX веке, не затронула России, где они были лишены важнейших экономических и гражданских прав. Одной из особенностей их положения было жестко ограниченное право передвижения. Включив польские, литовские, западноукраинские и белорусские земли в состав империи, царское правительство запретило жившим на них евреям переселяться во внутренние губернии России. В 1835 г. окончательно оформилась «черта оседлости» в составе 10 губерний Царства Польского и 15 украинских, белорусских и литовских губерний. В 1882 г. было принято «Временное положение», которое стесняло передвижения евреев и внутри черты оседлости: им было запрещено переселяться в сельские местности или владеть находящимся в них недвижимым имуществом, равно как и арендовать его там. Не более 15% евреев жило в деревне, основная масса еврейского населения «оказалась запертой в черте городов и местечек Западной России и Польши. Она была... отрезана от земледелия и ввергнута в жестокую конкуренцию между собой и с нееврейским городским мещанством черты оседлости, а также и с притекавшим в города обезземеленным крестьянством»¹¹⁰.

С 80-х годов прошлого столетия к гражданскому бесправию и экономической бесперспективности еврейского населения добавилось самое страшное бедствие: еврейские погромы. Волны массовых кровавых погромов сменялись периодами затишья, но в целом в течение почти 40 лет, начиная с 1881 г., погромы были довольно обыденным явлением российской действительности, она сама их питала. В напряженной, грозовой обстановке предреволюционной, а затем и революционной России погромы выполняли одновременно несколько функций. Они всегда строились на разжигании низменных инстинктов толпы и служили удобной, легко контролируемой и потому неопасной для правящего режима формой переключения народного недовольства, «выпускания пара»; пугалом для либерально-революционно настроенной части общества; поводом для демонстрации возможностей и авторитета властей, прекращавших или предупреждавших погромы, когда они считали нужным это сделать. Жертвами погромных насилий становились десятки и сотни тысяч людей. Только за 12 дней октября 1905 г., сразу после опубликования царского манифеста с обещанием конституции, по всей России произошло 690 погромов, погромная волна выплеснулась за пределы черты оседлости и докатилась до Томска; одних убитых было не менее 800, материально же пострадало свыше 200 тысяч человек¹¹¹. Постоянная угроза погромов чрезвычайно усиливала ощущение безысходности и неустойчивости жизни евреев в России, все вместе заставляло искать выход в эмиграции, которая стала приобретать массовый характер после погромов начала 1880-х годов.

Отношение правительства к эмиграции евреев было столь же лицемерным и двусмысленным, как и к эмиграции мусульман. Дореволюционная Россия не знала права граждан на выезд из страны, любая эмиграция была незаконной. Лишь с конца XIX века начали появляться некоторые послабления, не изменившие, впрочем, общего смыс-

¹¹⁰ Оболенский В. В. (Осинский). Цит. соч., с. 46, 49.

¹¹¹ Там же, с. 51.

ла закона. Первое такое официальное послабление было сделано в 1892 г. и касалось именно эмиграции евреев. Но уже за 10 лет до этого, в 1882 г., правительство устами министра внутренних дел Игнатъева заявило, что допуск евреев во внутренние губернии России невозможен, они могут принять участие только в заселении нуждающихся в колонизации районов империи (во время встречи с известным строителем железных дорог Поляковым Игнатъев назвал Среднюю Азию, в частности, оазис Ахал-Теке), но что западная граница открыта для них, никто и ничто не препятствует их эмиграции¹¹². В то же время Александр III в беседе с еврейскими банкирами Гинзбургом и Заком призвал их употребить свое влияние с тем, чтобы остановить эмиграцию, что, по-видимому, и было сделано. В апреле 1882 г. в Петербурге состоялся съезд представителей еврейских общин, который принял решение «совершенно отвергнуть мысль об устройстве эмиграции как противоречащую достоинству русского государства (!) и исторически приобретенным евреями правам на их настоящее отечество»¹¹³.

Ответом на эту декларацию было принятое буквально через несколько дней после окончания съезда уже упоминавшееся дискриминационное «Временное положение». По словам крупнейшего еврейского историка С. Дубнова, «этот ответ был не чем иным, как официальным объявлением войны евреям»¹¹⁴, он предвещал новые правительственные меры против них. 80-е годы и в самом деле ознаменовались нарастанием антисемитизма в государственной политике и еще большим ухудшением условий жизни еврейского населения России. Ощущение безысходности усиливалось и все больше заставляло искать выхода в эмиграции. В 1891 г. барон М. Гирш основал в Лондоне «Еврейское Колонизационное Общество» (J.C.A., Jewish Colonisation Association), ставившее своей целью создание еврейских колоний в Аргентине и других американских странах. В 1992 г. деятельность Общества была узаконена в России специальным «Положением Комитета министров». Иными словами, идея исхода евреев из России получила сильную поддержку и в правительственной среде, где были люди, не скрывавшие своего желания избавиться от пятиmillionного еврейского населения. Выступавший от имени Еврейского Колонизационного Общества член английского парламента А. Уайт представил русскому правительству программу действий: перевезти в Аргентину 25 тыс. евреев в 1892 г. и в течение 25 лет довести общую численность эмигрантов до 3250 тыс. Но даже эти планы казались недостаточными властям. Во время их обсуждения в Комитете министров морской министр Чихачев предложил выделить средства для того, чтобы уже в 1892 г. довести число эмигрантов до 130 тысяч и поддерживать этот уровень в течение 25 лет¹¹⁵.

На деле размеры миграции поначалу были не очень большими и не сразу стали оказывать заметное влияние на численность еврейского населения России. Но масштабы эмиграции быстро нарастали. С 1881 по 1886 г. среднегодовое число еврейских эмигрантов составляло 12,9 тысяч, в следующие пять лет — 28,5, с 1891 по 1910 г. — 44,8, в пи-

¹¹² Дубнов С. М. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. Кн. 1–3. Пг., 1923, с. 38–39, 50.

¹¹³ Там же, с. 50.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, с. 120.

ковые 1906–1910 гг. — 75,1 ежегодно¹¹⁶. Общее число эмигрантов между 1881 и 1914 гг. оценивается примерно в два миллиона¹¹⁷, т. е. почти в две пятых от численности еврейского населения России в 1897 г. После 1900 г. миграционный отток евреев превысил их естественный прирост¹¹⁸. Основной страной иммиграции российских евреев были США. За период с 1871 по 1920 г. они составили 41,5% всех иммигрантов из России в США и 72,4% всех еврейских иммигрантов в США из Европы (включая Россию)¹¹⁹.

Вытеснение или оттеснение «инородцев», когда более, когда менее энергичное, — типичная черта российской имперской «миграционной политики». Но, конечно, нельзя всякую эмиграцию считать следствием такой политики. В XIX веке межгосударственные миграции в западных странах стали нормальной в правовом отношении формой поведения граждан, стремящихся решить с помощью эмиграции свои личные или семейные проблемы. В России же право на эмиграцию не признавалось, из нее можно было только незаконно сбежать. Но даже когда на исходе XIX столетия здесь стали появляться первые легальные возможности эмиграции, ее продолжали рассматривать как нечто исключительное, если и приемлемое, то только для «инородцев», исход которых из страны казался более или менее естественным. «В то время, как на Восток — в Сибирь — двигается коренное русское население, — писал автор начала XX века, — на запад — за границу — уходят инородцы. *Laissez faire, laissez passer* — есть максимум справедливости, которого можно ожидать от правительства в этом вопросе». По мнению другого автора, «для русской народности не существовало и не существует эмиграционного вопроса. Для России же как для государства эмиграционный вопрос существует, и желательно было бы скорейшее его разрешение»¹²⁰.

В таком взгляде была двойная неправда. По оценке Осинского, с 1860 г. до начала Первой мировой войны основную массу осевших в Северной и Южной Америке эмигрантов из России действительно составляли нерусские: евреи (44%), поляки (25%), литовцы (8%), финны (7%), немцы (6%)¹²¹. Но поляки выезжали из Польши, литовцы — из Литвы, финны — из Финляндии. «Инородцами» здесь они могли сделаться разве что в распаленном имперскими амбициями воображении петербургских чиновников. То же относится и к крымским татарам, народам Северного Кавказа. Да и евреи, некогда пришедшие на земли, ставшие «чертой оседлости», из других краев, жили на них уже пять–шесть столетий. На свободных землях селились немецкие колонисты и тоже осваивали их вот уж больше ста лет.

Вторая же неправда заключалась в том, что эмиграционного вопроса якобы не существовало «для русской народности», то есть для великороссов, украинцев и белорусов. «Коренное население», отмечал Осинский, — «только запоздало вступлением на путь эмиграции и начало участвовать в ней большими партиями лишь после первой ре-

¹¹⁶ Rogger H. Tsarist policy on Jewish emigration. *Soviet Jewish Affairs*, 1973, 3, p. 28; Краткая еврейская энциклопедия, т. 7, с. 383.

¹¹⁷ Краткая еврейская энциклопедия, т. 7, с. 383.

¹¹⁸ Там же, с. 384.

¹¹⁹ Кабузан В. Цит. соч., с. 322.

¹²⁰ Цит. по: Оболенский В. В. (Осинский). Цит. соч., с. 22.

¹²¹ Оболенский В. В. (Осинский). Цит. соч., с. 24.

волюции, начиная с 1907 г. В течение восьми лет до этого года в С.Ш. прибыло всего 21000 русских; за последующие семь лет приехало 144000 человек, и годовая средняя увеличилась в 9,5 раз¹²². Согласно Осинскому, до 1905 г. в русской эмиграции преобладали великороссы и белорусы, после 1905 г. на первое место вышли украинцы и белорусы¹²³. Среди причин русской эмиграции иногда бывало и дискриминационное групповое вытеснение, сходное с вытеснением «инородцев» (религиозные сектанты, ущемленное в правах «киногороднее» население казачьих районов). Но по мере ее роста в ней все больше проявлялись черты более современной индивидуальной экономической эмиграции, нередко она представляла собой — по замыслу или фактически — лишь «временный отход на заработки, только не внутрь страны, а за границу»¹²⁴. Такая эмиграция — признак новой эпохи. Другое дело, что эта новая эпоха только начиналась в России, тогда как традиции оттеснения или вытеснения «инородцев» имели давние прочные традиции.

Справедливость требует сказать, что оттеснение или вытеснение за пределы империи «инородцев», особенно тех, кто непригоден был к превращению в «государственных крестьян», — кавказских горцев, кочевников-ногайцев, еврейских ремесленников и т. д. — было не единственным компонентом разнонаправленных перемещений населения империи и не исключало одновременного привлечения из-за ее пределов новых подданных, на что могли быть и экономические и политические резоны. Это хорошо видно на примере иммиграции армян.

Появление значительного армянского населения в России относится к концу 20-х годов XIX века, когда в состав империи вошли армянские земли, до того принадлежавшие Персии или Турции. Эти перемены сопровождались массовыми переселениями персидских и турецких армян на теперь уже российские территории. До начала переселения в российском Закавказье было зарегистрировано 107 тыс. армян (а всего в России их насчитывалось 133 тыс. — примерно 6–7% всех живших в мире армян, тогда как более 80% их общего числа находилось в Турции). По оценкам, только в конце 20-х — начале 30-х годов XIX века в Закавказье прибыло около 200 тыс. армянских эмигрантов. Затем поток резко уменьшился, но все же не прекратился, и к 60-м годам XIX в. в России проживало уже более 530 тыс. армян, из которых почти 480 тыс. — в Закавказье¹²⁵.

Середина 90-х годов ознаменовалась трагическими событиями в Турции. Власти агонизировавшей Оттоманской империи, опасаясь повторения в населенной армянами Восточной Анатолии болгарского сценария на Балканах, где восстание христианского населения Болгарии и Боснии повлекло за собой вмешательство России и потерю Турцией Балкан, пытались упредить события с помощью исламизации и туркизации страны. Организованные ими в 1894–1896 гг. вспышки геноцида унесли жизнь около 200 тысяч армян и подтолкнули их к новой массовой эмиграции в Россию, которая — в соответствии с той ролью защитницы единоверцев, какую ей отводило ее участие в реше-

¹²² Там же, с. 22.

¹²³ Там же, с. 58.

¹²⁴ Там же, с. 74.

¹²⁵ Кабузан В. Цит. соч., с. 104–105.

нии «Восточного вопроса», — приняла эту эмиграцию. «Приток армян в Россию в начале XX в. был огромным... В Россию в 1897–1916 гг. прибыло несколько сот тысяч армян (около 500 тыс.)... В начале XX в. это был наиболее массовый приток из-за рубежа в Россию, в основном нелегальный, самовольный и очень плохо учтенный официальной статистикой»¹²⁶.

Накануне Первой мировой войны в пределах Российской империи жило 1,8 млн. армян — немногим меньше, чем в Турции (2 млн.). Меньше чем за сто лет в российском Закавказье был создан новый национальный очаг армянского народа, который вскоре, после страшного геноцида 1915 г. в Турции, стал основным, землей обетованной для всех армян мира, единственным возможным оплотом их чаемой государственности. В каком-то смысле роль империи в формировании новой национальной территории армян, пусть и на землях, на которых некогда жили их предки, напоминает ее роль в формировании территории современной Украины. Правда, в отличие от Украины, объединить все исторические армянские территории в одно государственное целое не удалось.

7.7. Имперские традиции в СССР

В начале XX века А. Кауфман писал о крестьянском переселенческом движении как о «последнем акте... процесса колонизации русской государственной территории, который составляет такую существенную черту всей внутренней истории нашего отечества»¹²⁷. Но история отечества продолжалась, а вместе с ней продолжалось — уже в советское время — и продвижение восточных славян в неславянские районы империи.

Иногда оно также было связано с аграрной колонизацией. Наиболее заметный эпизод — освоение целинных земель Казахстана в 50-е – 60-е годы. Между переписями населения 1959 и 1970 гг. численность русских в Казахстане выросла больше, чем на 1,5 миллиона человек, или на 39% (общая численность русских в СССР увеличилась за то же время всего на 13%), а всех восточных славян — на 1,8 миллиона (на 37%, в СССР — на 12%). Но все же в советский период приток «европейского», в основном восточнославянского, населения в Сибирь и в неславянские республики был связан преимущественно с промышленно-городским развитием окраинных районов СССР, которое подстегивалось центром в рамках общей политики экономической модернизации. В частности, резко ускорилась колонизация Сибири и Дальнего Востока, промышленное освоение и заселение которых было важной задачей всего советского периода. Хотя первые промышленные районы возникли здесь еще в XVIII веке, серьезного промышленного значения дореволюционная Сибирь не имела. За несколько десятилетий, начиная с конца двадцатых годов нынешнего столетия, к востоку от Урала был создан мощный промышленный потенциал, выросли крупные городские центры, стремительно увеличилось население. В 1926 г. оно составило 13 млн. человек, в 1939 — 15,7, в 1959 — 22,6, в 1979 — 27,9, в 1989 — 32,1 млн. человек.

¹²⁶ Там же, с. 203.

¹²⁷ Кауфман А. А. Цит. соч., с. 5.

До Первой мировой войны и в годы первых советских пятилеток индустриализация и урбанизация развертывались в основном на территории России и Украины, а после Второй мировой войны охватили всю территорию страны, в том числе и не очень еще готовые к этому «национальные окраины». Миграционные потоки устремились в растущие города и промышленные центры Белоруссии, Молдавии, Средней Азии, Казахстана. Далеко не весь приток населения в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию или Казахстан в первые послереволюционные десятилетия был добровольным. В этот период в гигантских, немислимых ранее масштабах были воспроизведены печальные традиции дореволюционного заселения Сибири каторжниками и ссыльными — значительную часть нового населения «окраин» составляли узники ГУЛАГа, «спецпоселенцы» из раскулаченных, целые депортированные народы, а также армия. «В 30-е годы (и до середины 50-х), — повествует историк, — особый размах приобрела специфическая, но исключительно действенная форма миграции — перемещение огромных масс спецпереселенцев (с их охраной) в северные и восточные регионы страны. Только с их помощью были освоены огромные территории, где практически отсутствовало устойчивое земледелие и куда добровольная миграция в те годы вряд ли могла широко развернуться»¹²⁸. Действенность освоения окраин с помощью каторжников здесь, скорее всего, переоценивается, но сам факт, конечно, верен.

Немалую роль в росте населения и развитии хозяйства азиатской части России сыграла эвакуация сюда населения и промышленности из районов военных действий во время Второй мировой войны. В послевоенные десятилетия — вплоть до середины 80-х годов — обычной практикой были «комсомольские призывы» добровольцев на крупные сибирские стройки, связанные с освоением месторождений полезных ископаемых, прокладкой железных дорог, строительством гидроэлектростанций и пр.

Созданная модернизацией советского образца иммиграционная ниша добровольно или принудительно заполнялась «европейским» населением — как и прежде, в основном представителями наиболее многочисленных восточнославянских народов — русскими и украинцами, хотя их поток увлекал за собой и представителей других этносов — белорусов, татар, евреев, немцев, армян и т. д. Как правило, нерусское население, включенное в миграционные перемещения, либо изначально было населением русской культуры или, во всяком случае, русскоязычным, либо становилось таковым, расставшись с родной почвой и живя вдали от родины.

После Второй мировой войны вековое движение из восточнославянского центра на периферию империи некоторое время продолжалось, но в целом вторая половина XX столетия стала в этом смысле поворотным временем. Это особенно хорошо видно на примере собственно русских в современном ограниченном понимании. Их наибольший приток в республики пришелся на 60-е годы, когда увеличение численности русских за пределами России в 2,4 раза превзошло их естественный прирост. Но уже в 70-е годы этот приток замедлился, увеличение численности русских за пределами Российской Федерации превысило их естественный прирост уже только в 2 раза. В 80-е же годы это превышение исчезло, отток русских из России практически прекратился.

¹²⁸ Кабузан В. Цит. соч., с. 225.

Более того, к этому времени стало явственно ощущаться повсеместное вытеснение русских из республик, где их численность стала сокращаться, — сначала в Грузии, затем в Азербайджане, со второй половины 70-х годов — в Средней Азии. В 80-е годы численность русских увеличивалась только на Украине, в Белоруссии, Прибалтике и Молдавии. Украинцы же и белорусы продолжали переселяться почти во все неславянские республики и в 80-е годы. Например, в республиках Прибалтики численность украинцев за 1979–1989 гг. увеличилась на 34–39%, в Азербайджане на 22%, в Узбекистане на 35% (общее число украинцев в стране выросло на 4%). Примерно в полтора раза большим стало число белорусов в Средней Азии, Грузии и Азербайджане (при росте общего их числа в стране на 6%)¹²⁹.

Но в целом эпоха восточнославянской колонизации, видимо, подошла к концу. К этому времени (1989 г.) за пределами Европейской части Российской Федерации, Украины и Белоруссии (которые в какой-то мере можно отождествить с «колонизационными базами» В. Семенова Тянь-Шанского), проживало около 22% всего восточнославянского населения СССР — 39,3 млн. русских (27% их общего числа), 3,6 млн. украинцев (8% всех советских украинцев), 0,7 млн. белорусов (7% советских белорусов).

При этом недонаселенность колонизованных азиатских просторов России так и не была преодолена. Россия остается относительно слабо заселенной страной, плотность населения здесь втрое ниже, чем в США, в 17 раз ниже, чем в Европейском Союзе и почти в 15 раз ниже, чем в соседнем Китае. Но если европейская часть России по плотности населения все же сопоставима со многими развитыми странами (здесь она примерно такая же, как в США), то в азиатской части, занимающей 75% территории страны, проживает всего 22% населения (чуть больше населения двух Голландий), а плотность населения чрезвычайно низка (2,5 человека на 1 кв. км). Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств да и вообще для создания достаточно развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры даже в пределах «главной полосы расселения». К этому надо добавить, что, начиная с 1989 г., впервые за многие годы, миграционный отток из азиатской части России превышает приток в нее, а с 1992 г. началось абсолютное сокращение численности населения Сибири и Дальнего Востока.

В 70-е – 80-е годы в СССР много говорилось и писалось о необходимости привлечения в «трудонедостаточные» районы — Центральную Россию, Сибирь, на Дальний Восток — населения из других частей СССР, особенно из перенаселенной Средней Азии. Нельзя сказать, что никакого движения в этом направлении не было, потоки мигрантов из неславянских республик в Россию и на Украину увеличивались. Только за 1979–1988 гг. численность молдаван в России увеличилась на 69% против 11% в своей республике, грузин и армян на 46% (в своих республиках — на 10 и 13), азербайджанцев в 2,2 раза (24%), узбеков и туркмен в 1,8 раза (34%), киргизов в 2,9 раза (33%), таджиков в 2,1 раза (46%)¹³⁰. Но абсолютные размеры притока оставались небольшими и не оправдывали ожиданий Москвы. В качестве курьеза можно вспомнить опубликован-

¹²⁹ Зайончковская Ж. А. Миграция. // Население России 1994. М., 1994, с. 134.

¹³⁰ Там же, с. 137.

ное в одном из журналов предложение перераспределять в пользу «труднедостаточных» районов СССР 40% ежегодного прироста населения Средней Азии (примерно 3,4 млн. человек за 1985–2000 гг.)¹³¹. Реальных последствий подобные проекты почти не имели. К моменту распада СССР проникновение коренных жителей Средней Азии в районы преимущественно восточнославянского заселения не оставило заметного следа.

А вот вытеснение неславянских народов — иногда на худшие территории внутри Империи, а иногда и за ее пределы — продолжалось и в советское время. Советская власть пошла на то, чего никогда не позволяло себе даже не очень церемонившееся с инородцами царское правительство, — на депортацию целых народов.

В 1933 г. В. Арсеньев, знаменитый путешественник и писатель, направил доклад в Дальневосточный крайком ВКП(б), в котором обосновывал необходимость выселения живших на советском Дальнем Востоке корейцев. Привычно отмечая обычное у всех земледельческих народов стремление занять удобные земли, чем и «объясняется... оседание наших землеробов в южных частях Восточной Сибири»¹³², он обращал внимание начальства на то, что на Дальнем Востоке сталкиваются две колонизации — «одна с запада, переселенцами из европейской части Союза, другая с юга из японской Кореи... Корейцы — народ совершенно отличный от нас по характеру, по укладу жизни и по миросозерцанию... В наши пределы корейцев привлекают не политические убеждения (? — А. В.), а исключительно материальные выгоды. Они антропологически, этнографически, психически и по своему миросозерцанию стоят ближе к японцам, чем к нам. Рассчитывать, что корейцы скоро превратятся в советских граждан, нельзя. Нам некогда ждать, когда они изменят свои убеждения, характер и миросозерцание»¹³³. Поэтому, утверждал Арсеньев, корейцы «должны быть отодвинуты в глубь страны, на Запад и на Север от Амура»¹³⁴. В 1937 г. все жившие на советском Дальнем Востоке корейцы были «отодвинуты» в Казахстан, открыв тем самым список депортированных народов¹³⁵.

«Корейский» опыт не пропал даром. Через несколько лет, во время Второй мировой войны, подобная участь постигла целую группу народов СССР. Предлогом послу-

¹³¹ Зюзин Д. И. Варианты социально-экономического развития Среднеазиатского региона. Социологические исследования, 1986, 4, с. 19–22.

¹³² Арсеньев В. К. Доклад Далькрайкому ВКП(б). 8 января 1933 г. Вестник Дальневосточного отделения РАН, 1995, 3, с. 97.

¹³³ Там же, с. 103.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Правда, первые эксперименты советских этнических чисток — в меньших масштабах — к тому времени уже были проведены. Весной 1936 г. Совнарком СССР принял постановление о выселении с территории Украины в Казахстан «15000 польских и немецких хозяйств». Даже если согласиться с логикой «революционной бдительности», требовавшей отселения поляков из зоны строительства укрепрайонов на тогдашней границе с Польшей, невозможно понять, почему их надо было выселять именно в Казахстан «без права выезда из места поселений» и возлагать ответственность за организацию их жизни «по типу существующих сельскохозяйственных трудопоселков НКВД» на ГУЛАГ НКВД, а затем сохранять за ними статус спецпоселенцев много лет спустя после выигранной войны и после того, как граница с Польшей отодвинулась далеко на запад и стала безопасной. (См. Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину. «Согласно Вашему указанию...». М., 1995, с. 9–11).

жило обвинение в сотрудничестве с фашистской Германией и вообще неблагонадежность, но по своему смыслу массовые депортации были прямым продолжением старой имперской политики оттеснения инородцев на менее благоприятные для жизни земли. В Сибирь, в малолюдные районы Казахстана и Средней Азии были выселены все крымские татары (но также и жившие в Крыму греки, армяне и пр.); народы Северного Кавказа — чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы; немцы — потомки колонистов екатерининских времен, жившие в разных районах России и Украины и имевшие свою автономную республику в среднем Поволжье; калмыки, с давних времен обитавшие в нижнем Поволжье; жившие в Грузии турки-месхетинцы, курды, хемшилы (исламизированные армяне); финны из Ленинградской области. Н. Бугай приводит данные из сохранившейся в архиве Верховного Совета СССР и датированной 16 декабря 1965 г. «Справки о количестве лиц некоторых категорий, выселенных на спецпоселение в северные и восточные районы страны с территории Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Молдавии, Армении и Псковской области за период с 1940 по 1953 год без права возвращения к прежним местам жительства». В «Справке» утверждается, что за эти годы из Украины было депортировано 570826 чел., из Литвы — 118599, из Латвии — 52541, из Эстонии — 32540, из Белоруссии — 60869, из Молдавии — 46474, из Армении — около 16000, из Псковской обл. РСФСР — 1604, из Северо-Кавказского региона — около 640000 граждан, принадлежавших к различным национальностям, из Крыма — около 230000¹³⁶. Всего получается 1770 тыс. человек. Но в «Справке» не упомянуты корейцы и некоторые другие категории населения, высланные по этническому признаку до 1940 г., немцы, депортированные из европейской части РСФСР (кроме Северного Кавказа) и из Азербайджана и Грузии (а это — не менее 900 тыс. человек), не упомянуты калмыки, ингерманландцы и финны, турки-месхетинцы, курды и хемшилы, высланные из Грузии и т. д. Если все это учесть, число депортированных превышает свыше 3 млн. человек.

Десятилетия спустя, в ноябре 1989 г., Съездом народных депутатов СССР была принята декларация «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», что создало правовую основу для восстановления исходного положения. Но вернуться к нему на деле во многих случаях было уже невозможно. Крым в еще большей степени, чем прежде, стал русско-украинским, земли немцев Поволжья были заняты русскими, земли ингушей — отданы Северной Осетии и т. д., возвращение высланных народов на родину наталкивалось на сопротивление новых хозяев.

Другой формой вытеснения этнических меньшинств в советское время, как и до революции, была их вынужденная или полувынужденная эмиграция. Казалось бы, массовые эмиграции не были характерны для советского периода, СССР очень быстро оказался отгороженным от всего мира, и выезд из него стал почти невозможным. Тем не менее иногда, по разным причинам, железный занавес оказывался прорванным на какое-то время, и возникали крупные потоки эмиграции. Участие в них многих этнических групп было непропорционально большим. Например, по некоторым оценкам, в 1931–1933 гг., спасаясь от голода, за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран, и Турцию — без-

¹³⁶ Бугай Н. Ф. Цит. соч., с. 6.

возвратно откочевало около 200 тыс. казахов¹³⁷. Очень крупные «этнические» эмиграционные потоки были порождены Второй мировой войной и связанными с нею событиями. С территории СССР, как она сложилась после войны, было выселено около 900 тыс. немцев; за ее пределами оказалось примерно 2,3 млн. беженцев и перемещенных лиц — латышей, литовцев и эстонцев; в Польшу было перемещено около 4 млн. поляков из Западной Украины и Западной Белоруссии; из Карелии в Финляндию переселилось свыше 400 тыс. финнов и т. д.¹³⁸

После того, как миграционные волны, поднятые Второй мировой войной, в основном улеглись, масштабы эмиграции из СССР резко сократились, но ее «этнический» характер стал даже более выраженным. В послевоенные десятилетия СССР в смысле эмиграции очень напоминал Российскую империю конца XIX века. Право граждан на эмиграцию не признавалось, но в порядке исключения и очень дозированно оно жаловалось представителям некоторых этнических и религиозных меньшинств.

Снова самую многочисленную группу эмигрантов составляли евреи. Их общая численность в СССР была намного меньше, чем в Российской империи (более 5 млн. перед Первой мировой войной). Перепись 1926 г. зафиксировала в СССР 2,7 млн. евреев, перепись 1939 г. — 3 млн.¹³⁹ Столь большое сокращение объяснялось главным образом тем, что в результате послереволюционного изменения границ примерно 55% еврейского населения Империи осталось за пределами СССР¹⁴⁰, а в какой-то мере и ассимиляцией евреев в русской, украинской и белорусской среде. В результате нового пересмотра границ в 1939 г. и включения в состав СССР Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики, еврейское население страны снова сильно выросло, а затем опять резко сократилось в результате огромных потерь во время Второй мировой войны. Эти потери (жертвы гитлеровского геноцида, участники боевых действий и пр.) оцениваются не менее чем в 2,5 млн. человек¹⁴¹. После войны численность еврейского населения СССР никогда даже близко не подошла к довоенной. Какое-то время она незначительно росла, затем стала убывать вследствие ассимиляционных процессов, возможно, отрицательного естественного прироста, обусловленного низкой рождаемостью, но также и значительной эмиграции.

Главным фактором эмиграции евреев стал государственный антисемитизм, сделавшийся в послевоенный период важным элементом внутренней политики режима. Он имел иные формы, нежели антисемитизм дореволюционной поры, в СССР в это время не было погромов, но получили широкое распространение различные способы дискриминации по этническому признаку, которая осуществлялась под постоянный аккомпанимент официальных интернационалистских деклараций. Незадолго до смерти Сталина

¹³⁷ Козыбаев М. К., Абылхожин Ж. Б., Татимов М. Б. Казахстанская трагедия. // Козыбаев М. К. История и современность. Алма-Ата, 1991, с. 226.

¹³⁸ Heitman S. The third Soviet emigration: Jewish, German and Armenian emigration from the USSR since World War II. Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1987, p. 10.

¹³⁹ Pincus B. The Jews of the Soviet Union. The history of a national minority. Cambridge, 1988, p. 89.

¹⁴⁰ Оболенский В. В. (Осинский). Цит. соч., с. 46.

¹⁴¹ Pincus B. Op. cit., p. 261.

притеснение евреев получило особый размах, а его формы стали приобретать угрожающий характер подготовки общественного мнения к крайним мерам «крещения еврейского вопроса». Согласно некоторым, правда, пока слабо документированным свидетельствам, евреи должны были пополнить список депортированных народов СССР. Уже велась практическая подготовка этой акции, готовились железнодорожные составы и места приема, — ведь речь шла о высылке примерно двух миллионов человек. Возможно, сфабрикованное в 1952 г. «дело врачей» было задумано как начальная стадия и в то же время как дымовая завеса всей операции.

Если эта версия верна, то смерть Сталина спасла советских евреев от страшной трагедии, а режим — от еще одного мирового позора. Однако отказ от крайних мер, некоторое ослабление и более тщательная маскировка партийно-государственной линии на использование антисемитизма как одного из важных инструментов всеобщего зомбирования, отнюдь не означали отказа от этой линии в послесталинский период. Поэтому в еврейской среде, несмотря на далеко зашедшие процессы ассимиляции (почти сплошное русскоязычие, воспитание в русском культурном субстрате, безрелигиозность, которая сводила на нет культурное влияние иудаизма, смешанные браки и т. д.), а также несмотря на традиционно повышенные симпатии к режиму, на счет которого относились эмансипация евреев в первые послереволюционные десятилетия и спасение от гитлеровского геноцида, нарастало беспокойство и пробуждались уже забытые эмиграционные настроения.

Свободной эмиграции из СССР не существовало, но в ходе постоянной дипломатической игры с Западом советское правительство иногда слегка приоткрывало клапан для некоторых этнических или конфессиональных групп, в том числе и для евреев. Число эмигрантов-евреев за 1948–1990 гг. составило 592 тысячи, в том числе 301 тыс. — после 1986 г.¹⁴² Согласно послевоенным переписям населения в 1959 г. в СССР насчитывалось 2,3 млн. евреев (1,1% населения СССР против 2,5% в 1940 г.), в 1970 г. — 2,2 млн., в 1979 — 1,8 млн., в 1989 г. — 1,4 млн. Но именно в это время эмиграция, наконец, стала свободной и резко выросла, так что численность евреев на территории СССР продолжала сокращаться и после его распада. По одной из оценок, к началу 1996 г. на территории бывшего СССР осталось всего 660 тыс. евреев, в том числе 360 тыс. в России¹⁴³.

Вторую по численности группу эмигрантов послевоенного периода составляли немцы. В 1897 г. в Российской империи насчитывалось 1790,5 тыс. немцев, из которых 1312,2 тыс. жили в Европейской России, 407,3 — в Польских губерниях, 56,7 — на Кавказе, 5,4 — в Сибири и 8,9 тыс. — в Средней Азии¹⁴⁴. Среди немцев Европейской России 165,6 тыс. составляли так называемые остзейские немцы, жившие в трех балтийских губерниях, присоединенных к России в XVIII веке. Остальные приехали в Россию добровольно по приглашению заинтересованного в них русского правительства — как крестьяне-колонисты (их было большинство) или лица свобод-

¹⁴² *Heitman S.* Soviet emigration in 1990: a new «Fourth Wave»? Innovation (Vienna), 1991, n° 3/4, p. 2.

¹⁴³ *Tolts M.* The Jewish population of Russia, 1989–1995. Jews in Eastern Europe (Jerusalem), 3 (11), Winter 1996, p. 6.

¹⁴⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи..., таблица 1.

ных профессий. И немецкое городское население, и немецкие крестьяне-колонисты пользовались рядом привилегий, изначально оговоренных во времена их появления в России. С точки зрения логики земледельческой цивилизации, немцы, как крестьяне, так и остзейские помещики, в отличие от евреев — городских жителей, были вполне «здоровым» элементом российского общества. В XIX веке немецкие колонисты пережили период расцвета, стали «хорошо организованным привилегированным классом, не похожим на русских крестьян, со своим внутренним самоуправлением, копировавшим институты их бывшей родины»¹⁴⁵, число немецких поселений и их богатство быстро росли. Образованные слои немецкого населения играли важную роль в политической и культурной жизни России, их представители занимали весьма видные посты на самых высоких уровнях гражданской и военной иерархии, деятельность их нередко была очень успешной (классический пример — многолетняя государственная деятельность С. Ю. Витте). Все это свидетельствовало о значительной укорененности немцев в российском обществе.

Однако уже в конце XIX в. положение немцев начало меняться, возможно, не без влияния антинемецких настроений, вызываемых их привилегиями и успехами. Александр II не подтвердил освобождения немецких колонистов от военной службы, дарованного им Екатериной II, и это вызвало первую волну эмиграции из России, причем не в Германию, а в Америку. Антинемецкие настроения резко усилились с началом Первой мировой войны, стали нарастать официальные меры по экономической и политической дискриминации российских немцев. В 1916 г. был подготовлен проект закона, требовавшего их изгнания с Волги, но его вступлению в силу помешала Февральская революция.

После окончания Гражданской войны и установления границ СССР в его пределах остались территории, на которых в 1897 г. проживало 1030 тыс. немцев.¹⁴⁶ Тогда три четверти немецкого населения этих территорий были сосредоточены либо в Поволжье — в Самарской и Саратовской губерниях (391 тыс. человек, или 38%), либо на степном юге Европейской России — в Херсонской, Екатеринославской Таврической, Бессарабской губерниях и в Области Войска Донского (378 тыс., 37%)¹⁴⁷. Переписью населения 1926 г. в тех же новых границах СССР было учтено 1193 тыс. немцев по критерию родного языка (как и при переписи 1897 г.) или 1238 тыс. по самоопределению. Таким образом, число немцев на сопоставимой территории выросло за 20 лет, самое большее, на 20%, тогда как, например, русских — на 42%, украинцев — на 54%, белорусов — на 32%¹⁴⁸. Напротив, между переписями 1926 и 1939 гг., несмотря на потери, связанные с коллективизацией, раскулачиванием, которое сильно ударило по зажиточному немецкому крестьянству, и голодом 1932–1933 гг., численность немцев выросла на 15%, тогда как белорусов — всего на 11%, а численность украинцев сократилась на 10%¹⁴⁹. Правда, численность русских за то же время и на

¹⁴⁵ *Fleischhauer I., Pincus B. The Soviet Germans: Past and present. London, 1986, p. 19.*

¹⁴⁶ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 4. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928, табл. 1.

¹⁴⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи..., таблица 1.

¹⁴⁸ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 4..., табл. 1.

¹⁴⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992, табл. 16.

той же территории увеличилась на 28%, но это во многом объясняется ассимиляцией с русскими украинцев и других народов, в том числе и немцев. К этому времени расселение немцев по территории страны стало более рассредоточенным. В республике Немцев Поволжья проживало немногим более четверти их общего числа (25,7%), 27,5% находились на Украине, 6,5% — в Казахстане. Среди украинских областей относительно высокой концентрацией немецкого населения выделялись Одесская (6,4% его общей численности) и Запорожская (6,3%). В России за пределами немецкой автономной республики следует отметить Омскую область (4,2% всего немецкого населения). Даже в 1939 г. среди немцев был всего 21% городских жителей (среди русских — 38%)¹⁵⁰.

Чем объяснить очень малое приращение числа немцев между 1897 и 1926 гг. и относительно большое между 1926 и 1939 гг.? Немцы в России принадлежали к числу этнических групп с очень высоким естественным приростом (для 1927 г. он оценивался в 3,25%¹⁵¹), так что более медленное, по сравнению со славянскими народами, увеличение численности может объясняться либо значительной эмиграцией, либо активной ассимиляцией с русскими. И то, и другое было вполне естественным, ибо события времен Первой мировой войны показали, что быть немцем в России небезопасно. Но каково соотношение потерь немецкого населения от эмиграции и ассимиляции? Приводимые в литературе оценки числа эмигрантов — 20–30 тыс. человек за 1918–1933 гг., в том числе не более 25 тыс. до 1926 г.¹⁵², слишком малы, чтобы ими можно было объяснить сравнительно малую численность немцев в этом году. Скорее всего, имеет место значительная недооценка немецкой эмиграции периода Гражданской войны, а несомненно немцы выезжали в это время из России — хотя бы в составе белой эмиграции, к этому должно было подталкивать их социальное положение. Около 50 тыс. немцев были дворянами и почетными гражданами¹⁵³. Немцы составляли значительную часть российского офицерского корпуса. По бдительным подсчетам сторонников «России для русских», в 1907 г. в нем находилось: «а) не православного вероисповедания: генералов (полных) — 22%, генерал-лейтенантов — 15%, генерал-майоров — 14,5%, капитанов — 15%; б) с не русскими фамилиями: генералов — 41%, генерал-лейтенантов — 36%, генерал-майоров — 37%, капитанов — 31%. Значительное число нерусских фамилий в генеральском составе носит следы немецкого происхождения»¹⁵⁴. Офицеры-немцы принимали активное участие в белом движении и вынуждены были эмигрировать после поражения в Гражданской войне.

О недооценке эмиграции немецкой элиты можно судить и по изменению численности столичных немцев. В 1897 г. в Петербургской губернии насчитывалось 63,5 тыс. немцев (по родному языку), в том числе 50,8 тыс. — в Петербурге, в Московской — 19,1 тыс., в том числе 17,7 — в Москве. В 1926 г. в Ленинградской губернии оставалось всего 18 тыс. лиц с родным немецким языком и 25,2 тыс., считающих

¹⁵⁰ Там же, табл. 15, 16.

¹⁵¹ Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930, с. 40.

¹⁵² *Fleischhauer I., Pincus B.* Op. cit., p. 62; *Heitman S.* The Third Soviet Emigration..., p. 10.

¹⁵³ *Остроух И. Г., Шервуд Е. А.* Немцы в России. Этнографическое обозрение, 1993, 3, с. 47.

¹⁵⁴ *Куропаткин А. Н.* Россия для русских. Задачи русской армии. Т. 3 т. СПб, 1910, с. 125.

себя немцами (в том числе в Ленинграде, соответственно — 11 и 16,9 тыс.), в Московской губернии — 6,8 тыс. и 10,8 тыс. (в Москве — 5,4 и 8,6 тыс.)¹⁵⁵. Несомненно, имела место ассимиляция, но объяснить подобное сокращение численности за столь короткие сроки одной ассимиляцией, не предположив большой неучтенной эмиграции, едва ли возможно.

Изменение границ СССР в 1939 г., а затем в 1945 г. не привело к увеличению числа немцев в СССР. В соответствии с советско-германскими соглашениями 1939–1940 гг., около 400 тыс. немцев из вошедших в состав СССР Литвы, Латвии и Эстонии были перемещены за его пределы¹⁵⁶. То же произошло впоследствии — в 1944–1945 гг. — с 500 тыс. немцев, высланных из Восточной Пруссии по решению Потсдамской конференции.

Судьба же собственно «советских» немцев (1427 тыс. по переписи 1939 г.)¹⁵⁷ сложилась по-иному. В конце 30-х годов, как и перед Первой мировой войной, власти стали исподволь нагнетать антинемецкие настроения. В 1936–1938 гг. были произведены первые депортации немцев (наряду с поляками) из приграничных районов, появились ограничения на службу немцев в армии¹⁵⁸. Советско-германский пакт 1939 г. заставил несколько приглушить эти настроения — советское руководство демонстрировало дружелюбие к своим новым зарубежным партнерам и прекратило не только антинемецкие акции, но даже антифашистскую пропаганду. Однако с началом войны с Германией в июне 1941 г. судьба советских немцев была предрешена. Все они стали «спецпоселенцами», лишены права покидать отведенные им районы Сибири, Казахстана и Средней Азии. Часть советских немцев оказалась на оккупированной территории, главным образом на Украине, и примерно 350 тыс. человек было вывезено оттуда в Польшу и Германию. Кто-то из них впоследствии оказался на землях, занятых советскими войсками, а около 250 тыс. были переданы советским властям американцами и англичанами в соответствии с Ялтинскими соглашениями¹⁵⁹ и, по-видимому, почти все они попали в спецпоселения. К началу 1953 г. среди 1225 тыс. находившихся на спецпоселении немцев числилось 208 тысяч репатриированных¹⁶⁰. Кроме того, в 1946–1951 гг. на режим спецпоселений — уже без всякой видимости оснований — перевели немцев, всегда живших в азиатской части СССР и не подвергавшихся высылке.

Статус «спецпоселенцев» не был отменен и после окончания войны, просуществовал до конца 1955 г. Но и тогда в постановлении об его отмене указывалось, что оно «не подразумевает возвращения конфискованной при депортации собственности и не дает

¹⁵⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928, т. I, с. 117,119, т. II, с. 132,135.

¹⁵⁶ *Fleischhauer I., Pincus B.* Op. cit., p. 64.

¹⁵⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992, табл. 16.

¹⁵⁸ *Fleischhauer I., Pincus B.* Op. cit., p. 64.

¹⁵⁹ *Heitman S.* The third Soviet emigration..., p. 50. По другим данным, распределение было несколько иным: «около 200 тыс. было захвачено Красной Армией на территории Польши или Восточной Германии: а из остальных 150 тыс., оказавшихся в западных зонах Германии, примерно половина была передана союзниками в СССР» (*Полян П.* Жертвы двух диктатур. М., 1996, с. 68).

¹⁶⁰ *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы. // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994, с. 166.

права возврата в исходные места депортации»¹⁶¹. И даже когда в августе 1964 г. Указ 1941 г. был полностью отменен, а немцы реабилитированы, вопрос о возвращении на прежние места проживания не стоял. Постепенно становилось ясно, что прежнее положение немцев уже никогда не будет восстановлено. Эмиграция на историческую родину стала осознаваться все большим числом немцев как единственный выход из тупика, в который их загнал советский режим. Однако эти настроения еще не были всеобщими. Под давлением ФРГ, с которой СССР вел дипломатическую игру, небольшому числу советских немцев удалось эмигрировать в 50-е годы (более 12 тыс. человек в 1958–1959 гг.). Подобным же образом в 1972–1980 гг. выехало еще 62 тыс.¹⁶², но большинство все же не связывало свое будущее с массовым исходом из страны, многие хотели возвратиться в свою загубленную республику, в другие районы, где они жили прежде. Из этого ничего не вышло. Хотя в 1974 г. немцам было разрешено селиться на прежних местах проживания, их земли и дома были уже заняты, попытки вернуться в Поволжье натолкнулись на враждебность местного населения. Несмотря на существование различных проектов обустройства немцев в СССР, репатриация в Германию оказалась практически единственным доступным для них путем. По данным переписей населения, численность немцев в СССР составляла в 1959 г. 1,6 млн., в 1970 — 1,8, в 1979 — 1,9, в 1989 г. — 2 миллиона человек. Но к концу 80-х годов уже всю развернулась эмиграция. Если за 1948–1986 гг. из СССР эмигрировало 106 тыс. немцев, то только за 1987–1990 гг. их эмиграция превысила 308 тыс. человек¹⁶³. Положение немцев не изменилось и в постсоветское время, их исход из России и других постсоветских государств продолжается. В начале 1989 г. из 2039 тыс. советских немцев большинство проживало в Казахстане (958 тыс.), России (841 тыс.), и Киргизии (101 тыс.)¹⁶⁴. По некоторым оценкам, за весь период с конца 40-х по 1996 г. из бывшего СССР и постсоветских государств выехало в Германию 1,55 млн. человек¹⁶⁵. Если считать, что до 1991 г. выехало немногим более 400 тысяч, то получается, что за 1991–1996 гг. из постсоветских государств эмигрировало еще свыше 1,1 млн. Эмиграция продолжается. Какая-то часть немцев ассимилируется с русскими. Похоже, что двухсотлетняя история немцев в России подходит к концу.

Новым фактом послевоенного миграционного движения стал выезд армян. Сложившаяся в XIX веке традиция возвращения армян в Закавказье, сохранялась довольно долго и в советское время, когда, после недолгого периода государственной независимости, Армения существовала в качестве союзной республики СССР. Власти СССР по разным соображениям, среди которых все же, по-видимому, преобладали пропагандистские, поддерживали репатриацию армян, в некоторые периоды — очень активно. За весь советский период было три главные волны репатриации: в 1921–1936 гг. (42 тыс. чело-

¹⁶¹ Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций. Отчет Хельсинкской группы по правам человека. 1991, с. 22.

¹⁶² Münz R., Ohliger R. Deutsche Minderheiten in Ostmittel- und Osteuropa, Aussiedler in Deutschland. Demographie aktuell, 1997, Nr. 9, Humboldt-Universität zu Berlin, S. 10.

¹⁶³ Heitman S. Soviet emigration in 1990..., p. 2.

¹⁶⁴ Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991, с. 5–19.

¹⁶⁵ Münz R., Ohliger R. Op. cit., S. 8.

век), в 1946 (самая большая волна, 90–100 тыс. человек) и в 1962–1982 (32 тыс.). Первая послевоенная волна прибывала в основном из Ливана и Сирии, а также из Ирана и Греции-Кипра. На эти страны пришлось примерно две трети всего потока, довольно значительной — по несколько тысяч человек — была также иммиграция из Франции, Египта, Болгарии, Румынии. Последнюю волну на три четверти составляли выходцы из Ирана. Общее число армянских репатриантов советского периода оценивается примерно в 180 тыс. человек¹⁶⁶.

Однако прижиться в советской Армении репатриантам оказалось нелегко, и именно среди них или их детей стало нарастать стремление уехать из СССР. При первой же возможности, в 1956 г., возник и стал нарастать поток армянской эмиграции, в основном на Запад — во Францию, США, Австралию, Канаду. Общее число армянских эмигрантов за 1956–1989 гг. оценивается в 77 тыс. человек, подавляющее большинство — свыше 80% — уехало в США¹⁶⁷.

За сорок с лишним лет — с 1948 по 1990 г. — из СССР эмигрировало немногим более 1,1 млн. человек, почти исключительно представители этнических меньшинств — евреи (52,1%), немцы (36,5%), армяне (7,4%), греки (2,1%); относительно небольшую группу эмигрантов составили конфессиональные группы — евангелисты и пятидесятники, уезжавшие по религиозным соображениям¹⁶⁸.

Постоянное вытеснение неславянского населения вовсе не означало особой заботы о русских, украинцах или белорусах. В абсолютном исчислении они понесли гораздо большие потери — умершими от голода, репрессированными, депортированными, эмигрировавшими, — чем все перечисленные выше народы вместе взятые. Но демографические массы славян и неславян были неравными, так что общим результатом миграционных перемещений советского времени стало значительное изменение этнического состава населения многих районов СССР.

Так произошло, например, в Латвии и Эстонии. В 1939 г. латыши составляли 74,9% населения Латвии, русские — 9,6% (а вместе с белорусами 11%), эстонцы в Эстонии — 91,8%, русские — 4,6%. К 1989 г. в результате послевоенных миграций доля латышей в Латвии упала до 52%, эстонцев в Эстонии до 61,5%, доля русских выросла соответственно до 34 и 30,3% (вместе с украинцами и белорусами — до 42 и 35,2%)¹⁶⁹. Из прибалтийских республик лишь Литва, где в 1959 г. почти две трети населения проживали в селе, а демографический рост был более высоким, чем у ее балтийских соседей, избежала массового притока мигрантов.

Другой типичный пример — население Казахстана. Мы видели, что его этнический состав быстро менялся еще до революции — вследствие массовых крестьянских переселений, и уже к 1917 г. доля казахов опустилась почти до 60%. К 1959 г. она снова резко упала и составила всего 30%, тогда как доля русских, украинцев и белорусов превы-

¹⁶⁶ Mouradian C. De Staline à Gorbatchev, histoire d'une république soviétique: l'Arménie. Paris, 1990, p. 172.

¹⁶⁷ Heitman S. Soviet emigration in 1990..., p. 2.

¹⁶⁸ Ibid.

¹⁶⁹ Кабузан В. Цит. соч., с. 343.

сила 52%. В 60-е – 80-е годы коренное население Казахстана переживало демографический взрыв, его естественный прирост был очень высоким, вследствие чего его доля в населении повысилась почти до 40%. Но она все равно оставалась ниже, чем совокупная доля русских, украинцев и белорусов (свыше 44% в 1989 г.).

Согласно последней советской переписи (1989 г.), население СССР достигло 287 млн. человек. Из-за демографического взрыва в Третьем мире доля СССР в мировом населении (5,5%) была меньше, чем доля Российской империи в начале века, но все же по численности населения это была третья — после Китая и Индии — держава мира. По принятой в переписи классификации, в стране проживало более 100 народов, из которых более 20 насчитывали свыше 1 млн. человек. Большинство населения относилось к славянской (70%) и тюркской (17%) группам, но имелось также по нескольку миллионов представителей иных языковых сообществ.

В результате многолетнего миграционного движения из русского и — более широко — из восточнославянского центра страны к ее периферии, а в какой-то мере и за счет встречного движения, население многих районов СССР в этническом отношении было очень смешанным. 60 миллионов человек — почти одна пятая всего населения — жили за пределами «своих» союзных республик. В частности, за пределами Российской Федерации проживало более 25 млн. русских (17,4% их общей численности в СССР), за пределами Украины — 6,8 млн. (15,3%) украинцев, за пределами Белоруссии — 2,1 млн. (21,3%) белорусов. Надо, правда, иметь в виду, что, покидая свои республики, украинцы и белорусы быстро русифицировались, меняли свое этническое самоопределение, так что в числе живущих в России и за ее пределами русских есть немало вчерашних украинцев и белорусов. Общее число восточных славян за пределами России, Украины и Белоруссии в 1989 г. составило 15,2 млн. человек (7,6 % их общей численности), а если ограничить Россию только ее европейской частью — по Урал включительно, — то 43,6 млн. (21,9 %). Эти цифры дают некоторое представление о количественных итогах многовековой восточнославянской колонизации, хотя и очень неполное, ибо и сама европейская территория России и Украины тоже в значительной степени создана колонизационным движением. Но главное даже не в этом. Истинные итоги колонизации вообще несводимы к одной или нескольким цифрам, они по сути своей не столько количественные, сколько качественные. Века существования Российской империи оставили глубокий след в истории многих народов и государств Европы и Азии, след сложный, противоречивый. Его еще предстоит осмыслить будущим исследователям.